

Яна Завацкая

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Яна Завацкая

Перезагрузка

«Издательские решения»

Завацкая Я.

Перезагрузка / Я. Завацкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500569-4

Мир после глобальной ядерной войны. Постапокалипсис в отдельно взятом уральском городке. Борьба за выживание не оставляет шансов на гуманизм: кроме радиации, монстров, голода, расплодились банды убийц. Но находится герой, который организует городскую самооборону... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-500569-4

© Завацкая Я.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	14
3	25
4	37
5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Перезагрузка

Яна Завацкая

*Не жертвы – герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть
вызывает судьба ваша в сердцах всех благодарных потомков. В красные
страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно.*

Надпись на Марсовом Поле, Ленинград

© Яна Завацкая, 2019

ISBN 978-5-0050-0569-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

А ночью всегда возвращаться страшно. Светлое время – с мая до августа, а сейчас начало сентября. Когда смена кончается – темно. Собаки у копарей вечерами не лают – воют. Чуют беду. Лесники – они ведь как придут, так первым делом пса во дворе прибьют – либо на мясо, либо так, чтоб не гавкал. Но не из-за лесников воют собаки – непонятное для них живет в темноте. Непонятная жуть, хуже смертного страха.

До окраины я иду с девками, это еще куда ни шло. Последней сворачивает в сторону Монализа, она в обрушенных трехэтажках живет у Обувной Фабрики. Я помню, когда маленькая была, все удивлялась, почему огромное озеро называется Обувной Фабрикой. Странное название для озера, нет?

Монализе лет шестьдесят. Но у нас кто работает – все одинаково «девки». Монализа черная с полуседой головой, голос хриплый, будто пропитый. Она говорит мне «ну до завтра», и медленно идет к трехэтажкам. Ее долговязая фигура быстро растворяется в темноте. Вот теперь-то начинается самое страшное: дойти до дома.

Это матери в голову взбрело. Сыты, мол, будем. На земле проживем. Опасность что – она ж везде. А зато земелька своя, посеем и пожнем. Только вот с сытостью не вышло. В первый год лесники забрали все подчистую, так обидно было! Мы вкалывали все лето, я когда засветло с работы приходила, еще грядки полола. А они пришли к урожаю – и отоварились. Опять жили кое-как зиму на мой заработок, да так, что под ноги попадетсЯ. На второй год мать договорилась с дружиной Горбатого, не знаю, как они все договариваются – я бы на километр к этим не подошла. И мы отдали дружинникам только половину урожая, но не сказать, чтобы со второй половины были сыты, да и лесники все равно навевывались. На третий год мало чего уродилось, опять плохо было. В этом вроде получше, люди Горбатого к нам уже заходили, в октябре ещё придут, но есть надежда, что на зиму останется запас.

Да только цена за эту картошку больно уж высока. Идти мне теперь домой от Завода три километра. А главное – как идти, где! Хотя по вечерам я до того уставшая уже, что мне и всё равно. Уже и не дергаюсь. Поймают – так поймают, убьют – так убьют. Изнасилуют – тоже плевать. Но все равно сердце-то колотится.

Умереть не так уж и страшно. Я часто думала насчет смерти: лежишь себе и ничего не видишь, не слышишь, как в глубоком сне. Чего страшного-то? Но есть же еще, кроме погибели, много другого. Да такого, что и не выскажешь. Даже думать боишься. Только обрывки носятся в голове – из того, что девки в раздевалке шепотом рассказывали, что у склада мужики в очереди болтали. Мокроглазые, например, бывают. Или Соловушки. А уж мутов используют многие, только крупные дружины вроде Горбатовской не держат их – возни, говорят, много, да и опасно. Но Горбатый и так силен, а мелкие сошки-лесники – они ничем не брезгуют.

Опять же иду я вдоль Новограда, под каменным забором с колючкой, а говорят, что в здешней охране как раз мутов держат, и по ночам их наружу выпускают. Я ни разу не видела, но слышала чавканье какое-то, и не то вой, не то лай, и зеленые огни в темноте вроде глаз... Самое жуткое – три огня, три глаза, значит, в ряд. Но может, мне померещилось. Если бы это муты были – я бы живой и не ушла.

Последний километр до дома идти – мучение. Сначала под стеной иду, под колючкой, потом через лес. Даже дороги нормальной нет, узенькая тропинка. Зимой я на лыжах еду, иначе никак. Лес разросся в последние годы, со страшной силой все зарастает. Еще говорят – радиация, но почему-то все в рост идет... Правда, деревья попадаются такие, что увидишь – ночь спать не будешь. Я и не смотрю по сторонам. Быстро стараюсь проскочить.

Ноги, конечно, болят, ведь целый день на ногах. Первый год я вообще думала – сдохну, но сейчас уже привыкла. Повезло мне все-таки, что на работу взяли. Ведь что ни говори, а хоть зарплата! А раньше-то было – совсем ничего. Как мы жили – понятия не имею. Как выжили – загадка. А теперь вот к хорошему привыкли, на талоны я продукты беру, иногда вещи. Уже и не сможем без этого, наверное. Иной раз подумаешь – зачем так вкалывать, ведь кроме Завода, ничего больше нет в жизни. Но потом представишь, как жить без талонов, и думаешь, что лучше уж работать.

На последнем полукилометре страх пересиливает усталость. После леса я выхожу к реке, и это самое опасное. Во-первых, окончательно стемнело, хотя и полнолуние сейчас, во-вторых, у воды разное случается. Мокроглазые, например, часто в тростниках прячутся, про них всякое говорят – вроде они и не люди уже. Да еще муты, которые в воде живут. Девки болтали, что, мол, акул даже видели, да еще таких, которые на берег выбрасываются и на людей кидаются. Еще про гигантского Спрута в озере рассказывали, но это точно брешут. Ну не может таких спрутов здесь быть! Еще рыбы бывают всякие... тьфу ты, идиотские мысли лезут. Слышу шорох или плеск – замираю, стою, слушаю. Нет, все нормально. Путь свободен. Скоро излучина.

Как дойдешь до излучины – тут уже можно расслабляться. Недалеко. Река поворачивает направо, а мне – налево, и там видно уже заборчик, а за ним – наш домик, окошки темные, разве чуть-чуть печной огонек пробивается.

Мы, когда сюда пришли, долго тут все выжигали, выпалывали, корчевали. Деревьев мать сама сколько повалила – из них и ограду сложили. Помогали соседи городские, знакомые, несколько человек – мать самогоном потом расплатилась со всеми. Обычно копари селятся кучно, да только в поселках копарей нам места не было – кто ж новых просто так на подготовленную землю пустит? А свободной земли вокруг поселков давно не осталось. Вот мы и стали дикими копарями, сами себе огород сделали. Ну не совсем дикими – Миловский поселок от нас в полукилометре, туда и ходим, если что. Так многие делают – выжгут себе в лесу участок и пытаются хозяйствовать.

Если получится, конечно.

У меня не лежала душа к этой затее. Чувствовала я, что ничего хорошего не выйдет – труд немереный, да на семена тратиться, да удобрения доставать, а результат сомнительный. И опасно это, ох, как опасно! Оставались бы в Кузине, среди развалин – ведь как-то выжили мы среди камня, кормились чем-то все эти годы. У матери-то сроду работы не было. Работа мало у кого есть. Но как-то мы жили. И вот поперло ей, а мать у меня – как бык, как вставит в голову, никто ее не переубедит, обо мне уж не говоря. Деваться мне некуда, я все делала, как она скажет. Тогда я ее жутко боялась еще.

Потом, когда зимой картошку ели, я стала думать – ну может, мать права. Вот хорошо же, свои овощи. Капуста, морковь. Раньше весной у меня десны всегда кровили, а с овощами вроде и ничего стало. Но все равно было такое чувство – зря это все. Зря. Моя бы воля – я бы из Кузина ни на шаг.

Излучину я миновала, только приноровилась шагать быстрее по знакомой тропинке – как вдруг замерла на месте. Что-то было не так.

Легкий дымок поднимался впереди, из-за кустов. Может, мать решила костер разжечь, с нее станется.

Нет! Запах... непередаваемо свежий, страшный запах. Звуки – ненормальные звуки, не должно быть таких. Мне бы затаиться в кустах, не двигаться, не выходить. Но я с перепугу как раз и выскочила наружу – мне знать надо было, что случилось. И пока ноги меня выносили к оградке, я все питала безумную надежду – ничего... мне померещилось. Все нормально.

Вот сейчас выйдет мать из низкой двери да как захохочет. Дура ты, скажет. Чё шарахаешься по кустам?

Надежда погасла мигом. Нет! Все плохо, все в самом деле очень плохо! В лунном свете я видела – домик наш горит, трещит уже, и дым поднимается над крышей, и люди по участку, там и сям – вот двое какие-то мешки тащат, наверное, урожай наш... Вот еще один на земле валяется. А вон прыгает вокруг дома – то ли человек на четвереньках, да уж больно здоровый, то ли мут. И такое же чудовище темное, вроде больше человека, куда-то тащит тело. Женское тело, платье задралось высоко. Да это же мать! Одним махом я перепрыгнула через ограду, даже страх куда-то делся, побежала вперед, мне что-то заорали, я не слышала. Я теперь ясно видела все перед собой. То большое, темное, что тащило тело по земле, остановилось, нагнулось. Раздался громкий чавкающий звук, а потом я увидела, что у матери нет головы. Вообще нет. Из шеи торчало что-то темное, будто лента. Мои ноги ослабели, в этот миг я поняла, что умираю. Потому что видеть ЭТО и жить дальше – просто нельзя. Тут меня сзади и схватили. Вроде это были руки человека, но когда меня развернули, и я увидела то, что должно быть лицом – из моего горла наконец-то вырвался крик, и так я не кричала еще никогда в жизни.

По-моему, это был такой защитный механизм. Сознание начисто отключилось. И пришла я в себя только уже на земляном полу в незнакомом помещении. Осмотрелась – сарай, совершенно пустой, ничего тут не было, даже какой-то соломы, чтобы подстелить. Даже кружки воды не было. Дверь, ясное дело, заперта. Я поднялась на ноги, подергала ее для уверенности – видно, снаружи на засовы закрыта.

Через щели под крышей пробивался свет. Выходит, я всю ночь тут пролежала, проспала, что ли. Холодно было очень, и ломило голову. Наверное, все-таки по голове стукнули – только я этого не помню. Пить хотелось, и обратного тоже. А чего теряться, я тут одна! Если смотрят – ну и пусть, сами отвернутся. Я отошла в уголок и опорожнила мочевого пузыря.

Потом села у стены, скрутившись в клубок от холода. И стала думать о матери.

Все детство я ее боялась, просто жуть. Никакой там любви материнской и всего такого у нас не было сроду. Даже до войны, хотя там я ничего не помню толком. Но все же она меня кормила. Не каждый день, конечно, но что-то давала. С другой же стороны – мне все время надо было от нее прятаться. Потому что вообще не угадаешь, когда и за что она решит отлупить, и главное – чем. У меня до сих пор некоторые шрамы сохранились, например, от раскаленной кочерги на плече. Я у бабушки иногда пряталась, но бабушка этого не любила, она мне все повторяла «никто никогда не будет любить тебя так, как мать!» и «ну если мама тебе и даст под горячую руку, все равно, она же мама».

Так продолжалось лет до четырнадцати – я старалась держаться от нее подальше, но рано или поздно голод загонял домой. А тут она, если была не в настроении, мне устраивала. Но потом в четырнадцать лет я как-то дала ей сдачи. Да так, что она улетела и сознание потеряла. С тех пор она меня зауважала. Бить уже не пыталась. Но я и так ее слушалась, куда деваться-то. Мы вместе выживали, две бабы. Теперь вот ее нет (о безголовой шее, и о темном, торчащем из этой шеи, я старалась не вспоминать). Жалко мне ее? Да нет, нисколько. Почему-то первая мысль была – больше уж я ни за что не буду копаркой. Копаться в земле – толку никакого.

Хотя я теперь вообще никем не буду. Идиотская мысль. Если они сохранили мне жизнь, то понятно же, для чего. Хотя что у них понятно? Это ведь не простые лесники меня поймали... Они уже не люди. Люди бы изнасиловали и убили, ну может, съели бы. А эти что?

Хотя все живые существа хотят есть и трахаться. Даже самые жуткие.

Я все вспоминала рожу того, кто меня схватил. Кажется, от одного вида этой рожи я сознание и потеряла. Никакого лица у него нет. Глаз даже не видно. Как будто все лицо – гигантская гнойная бородавка. Неровная, жуткая, кое-где клочья волос торчат. Кто знает, чего хочет такое существо? Что оно может со мной сделать?

Линка рассказывала, есть такие лесники, их называют Бледные, они человека подвешивают и кровь спускают. Не всю, немного. Кровь эту пьют. Ежедневно вены вскрывают и выкачивают, рано или поздно человек, конечно, помрет...

А еще говорят, некоторые так гусениц разводят – какое-то насекомое яйца под кожу откладывает, и в тебе гусеницы заводятся, питаются тобой, все мышцы съедают, потом кожу. Потом эти лесники гусениц едят. У них это деликатес.

А еще... тьфу ты, ну и зачем вот я это все вспоминаю? Хотя, конечно, лучше заранее знать, что тебя ждет. Но ведь это все не точно – эти рассказы наверняка надо на десять делить. Может, вообще вранье.

Или мутам скормят...

Хотя почему мутам – мелкие дружины людей как раз на еду и ловят. И на зверей в лесу охотятся, и на человека – как придется. Оно точно известно, сколько раз обглоданные кости находили мужики. Причем рассказывали, что едят они жертву прямо живьем, так удобнее же – руку отрубят, съедают. Потом другую, потом ноги. И вялить мясо не надо, долго свежесть сохраняется. Еще треплются, что человеческие муты даже и не отрубают куски, а так прямо едят, как волки... привязывают и едят. Или есть слухи, мол, некоторые сначала ломают все кости, дробят, потом в воде вымачивают, чтобы мясо стало нежное...

Меня замутило. Несколько рвотных позывов не привели ни к чему, кроме склизкой вонючей лужицы на полу. Желудок давно пустой.

Сердце колотилось. За дверью еще ничего не было слышно, но ведь вот сейчас она раскрывается – и что тогда? Вот сейчас меня превратят в бессильную тушку, сделают со мной невесть что, как с деревяшкой, как будто я не живой человек, моя боль не существует, и даже наоборот, прикольно, что я буду орать и дергаться в их руках. Паника охватила меня. Захотелось кричать, плакать, бить кулаками по земле... Но что это даст? «Соберись!» – приказал кто-то в голове, и я тут же вспомнила Ворона.

Когда я была в ГСО, мы отработывали такие варианты – если кто попадется в руки к лесникам или к дружинникам. Там несколько вариантов есть, я их все уже не помню, но неважно, потому что в моем положении один только подходит. Один выход – закончить жизнь быстро и сравнительно безболезненно. Еще до того, как они придут.

Я осмотрелась. Сарай был совершенно пуст, то есть на режущие предметы, конечно, рассчитывать не приходится. Но вот на перекладину под крышей в углу, если подтянуться, вполне можно накинуть веревку.

Если бы она была... Я осмотрела себя. Странно, но они даже не сперли мою куртку. Впрочем, куда им торопиться – снимут еще.

Можно оборвать рукава, посоветовал рассудительный холодный голос внутри, этого должно хватить. Если нет – подвязать их к подолу самой куртки. И ее уже накинуть на рейку.

Дрожа от холода, я стянула куртку. Стиснула зубы. Рванула рукав – но так вот просто он не подался. Крепко сшито, зараза. Армейская курточка-то. Рванула еще раз – ткань затрещала.

И тут дверь сарая распахнулась, и на пол лег прямоугольник яркого света.

Я вскочила на ноги. Мы и такой вариант рассматривали. Всегда лучше побежать и рассчитывать, что застрелят на бегу. Вообще главное – трепыхаться, в этом случае вполне возможно, они решат, что с таким беспокойным мясом связываться не стоит, и просто сразу пристукнут. Или пристрелят.

Но лесников я не увидела. В сарай швырнули какого-то человека, и дверь снова закрылась.

Я так и стояла у стены в защитной стойке. Но ничего страшного. Это была женщина, одета в камуфляж, локти закручены за спину. Она сразу же перекатилась, выпрямилась и села без помощи рук, оглядывая помещение. Взгляд остановился на мне.

Лет ей было, наверное, пятьдесят. Но может, и меньше. Белесые волосы забраны в хвост, глаза – серые, цепкие, лицо худое. На лице ссадины, губа кровит. Из военных, подумалось мне. Что-то в ней было такое – спокойствие такое, решительность. Как будто ситуация ее вовсе не пугает, штатная ситуация.

– Развяжи, – попросила она, глядя на меня.

Я подошла к женщине, присела на корточки.

Она повернулась спиной, и я, повозившись с узлом, развязала ей руки, бечевка была длинная, замотано аж до локтей. Женщина с облегчением встряхнула руками.

– Спасибо. Давно тут сидишь?

– Недавно.

Я отошла обратно к стене и опустила на пол, стала сматывать бечевку. Она довольно крепкая, может и пригодиться.

– Тебя как зовут? – спросила новенькая.

– Маша, – буркнула я.

– А меня – Иволга, – сообщила она буднично, и я немедленно пожалела, что назвала штатское имя. Ведь у меня тоже был позывной, когда я в ГСО служила. Маус, Машка Маус. Только меня давно так никто не звал.

А она наверняка из бывших военных. Их них многие либо в бандиты идут, либо в охрану. Только наш Ворон раньше воевал, но никуда не устроился, а организовал ГСО...

Ворон, Иволга... одни птицы вокруг.

– Ну что, Маша, – женщина поднялась на ноги, – выбираться нам надо отсюда как-то.

– Как? – спросила я скептически, но в сердце затеплилась надежда. Иволга, она была из таких – как бы это сказать? Про них всегда думаешь, что они – знают выход. Они помогут. Подскажут, найдут решение. Да, она старше меня, но не в этом дело. Мать вон – толку-то с ее возраста было? Или Монализа вот тоже меня сильно старше, однако, если честно – дура дурой.

– Посмотрим, – Иволга зашагала вдоль стен, внимательно осматривая доски и щели.

– Если б то хоть люди были, – высказалась я. Серые глаза глянули на меня пристально.

– А кто же это? Люди и есть.

– Как же! Видела я того, который меня хватал... там вместо лица – во!

– Это опухоль просто. Такого много сейчас, будто ты не знаешь. Больные люди.

– На голову больные, – уточнила я.

– На голову тоже, – Иволга усмехнулась.

– А муты у них есть?

– Муты?

– Ну это... вроде звери такие. Даже не поймешь: некоторые вроде волка, некоторые – как медведи, а иногда и не поймешь, кто такой. Жуткие они бывают.

– А-а, мутанты, – кивнула Иволга, – да тут тоже многое преувеличено. Собаки большие скорее всего. Не знаю, я видела парочку, но не слишком крупных. Разберемся.

Она закончила осмотр стен. Села рядом со мной, обхватив колени руками.

– Нет, отсюда так не выбраться, Маша. Будем ждать, пока они дверь откроют.

– А что мы сделаем-то, если откроют?

Ждать пришлось недолго. Я, конечно, ни минуты не верила, что план Иволги сработает. Но наверное, все-таки поверила – ведь думать о том, как повеситься, я перестала. И не зря же я все-таки три года была в ГСО! Ну а Иволга вообще явно из армии. Даже офицер, может быть.

Хотя – нас ведь не люди поймали... если бы хоть это были обычные мужики! А с этими что мы сделаем?

То есть я не верила. Но просто ждала – и вот дверь открылась. Как и договорились, я сгруппировалась и метнулась в ноги первому, кто вошел. Тут же откатилась, и увидела, что Иволга выхватила у него оружие, передернула затвор, вскинула автомат.

– В сторону! – крикнула она. Тот, кому я кинулась в ноги, так и лежал на полу, видно, Иволга его вырубил. Еще двое нерешительно топтались у входа. Теперь я видела, что это все-таки – просто люди. У них никаких опухолей на лице не было. Нормальные мужики, ну конечно, грязные, заросшие, как все лесники.

– Кому говорю! – Иволга чуть подняла ствол, раздалась короткая очередь. Лесники метнулись в стороны. Иволга рванула к выходу, я за ней. Позади сарай оказался глухой дощатый забор, мы пробежали вдоль него. Иволга прижалась к стене, я тоже – мне хотелось исчезнуть, испариться, казалось, что я – мишень, что по мне вот сейчас откроют огонь. Но Иволга уже внимательно осматривалась.

– За мной! – тихо сказала она и побежала вперед. Короткими перебежками, от забора к кусту, от куста к поленнице. Тут я увидела мутов и едва не закричала от страха – какое там «небольшие!» – это были просто чудовища, хоть и на привязи. Одно из них разбежалось, рванулось и дико залаяло-завыло дурным голосом. Иволга повела стволом автомата, загремела очередь, вой оборвался. «Калаш», кстати, древний, еще 12-й, кажется. Потом раздались вопли впереди, Иволга крикнула «Ложись!», и я тут же повалилась в траву. А Иволга начала стрелять. Это длилось я не знаю сколько, потом Иволга рванула меня за плечо.

– За мной!

Я снова побежала за ней. В траве валялись несколько трупов... или не трупов. Мне в глаза бросился тот вчерашний, а может, не вчерашний, а другой, но тоже с опухолью-бородавкой во все лицо, урод. А потом я увидела, куда мы бежим. Прислоненный к ограде стоял мотоцикл, огромный «Зонгшен».

– Садись! – Иволга оседлала машину, мотор взревел. Откуда она ключ-то взяла? Хрен знает... Я обхватила ее талию. Сзади что-то заорали. Мотоцикл рванул вперед, загрели выстрелы... сейчас в спину, подумала я. Втиснулась в Иволгу, вцепилась и закрыла глаза – как будто это могло уберечь от пуль мой беззащитный тыл.

Потом все стихло, только ревел мотор «Зонгшена», и свистел ветер в ушах. Наш мотоцикл мчался по лесной дороге, в направлении Кузина.

Неподалеку от города Иволга остановилась. Я слезла, пошатываясь. Пошла к реке. Даже забылось, что к реке лучше не ходить, что там страшные водяные муты и вообще... Очень хотелось пить. Я нагнулась к воде, протянула горсть.

Иволга резко ударила меня по руке.

– Не смей! Сдурела?

Она отцепила от «Зонгшена» пластмассовое ведро. Набрала воду, вынула из кармана таблетку и бросила туда. Я в оцепенении глядела на спокойное течение речной воды.

– Там, говорят, жуткие муты бывают, – пробормотала я, – акулы даже...

– Акулы! – буркнула Иволга, – меньше фантазировать надо. Акул там нет. А вот лямблии сейчас такие бывают, амёбы, микрофлора всякая, что без дезинфекции воду пить – все равно что мышьяк.

Она тоже посмотрела на воду.

– Все мутирует. Жизнь активно приспосабливается к новым условиям. Ну пей, можно уже!

Она протянула мне ведро. Вода противно воняла химией, но мне было все равно. Я охотно вылакала сразу литр полтора. Протянула ведро Иволге, и замерла – лицо ее странно изменилось.

– Маша, – сказала она вполголоса, – только тихо. Осторожно двигайся ко мне. На один шаг.

Мурашки побежали по спине. Я послушно встала и шагнула вперед. За моей спиной раздалось шевеление и громкий «чпок». Боже, что же это такое?

– Еще шаг. Еще, – командовала Иволга. Наконец на самом каменистом берегу она с облегчением вздохнула.

– Все. Смотри теперь.

Я повернулась. Едва не вскрикнула – ну конечно! Это же загребуха! Ну не дура ли я – все ведь забыла! Да и как не забыть, когда по четырнадцать часов, а то и более, только ящики ворочаешь в душном помещении.

Загребуха разочарованно покачивала двумя охотничьими ветками. Ветки были усыпаны длинными шипами и похожи на костлявые руки. Еще бы немножко, и... говорят, и пули бесполезны. И высасывает загребуха очень быстро – Иволга ничего бы не успела сделать.

– Как интересно, – пробормотала она, с прищуром глядя на загребуху, – это же альнус карнивола...

– Загребуха это, – я не поняла, что она сказала.

– Загребуха вы ее называете? – Иволга уселась на прибрежный камешек. Я тоже примостилась на порошке, с опаской оглядевшись – нет ли рядом чего ядовитого или хищного, – это интересно.

– Уж конечно, интересно! Она иголки прямо в вены втыкает и кровь выпивает.

Иволга фыркнула.

– Угу, конечно. Ну и фантазии у вас... Впрочем, эта ваша загребуха и вправду опасна. Но не так, как ты думаешь. Иголки у нее ядовитые, жертва сразу теряет сознание, а затем втягивается в пищевой пузырь и медленно переваривается. Но самое интересное тут, конечно – способность к направленному движению... впрочем, неважно.

– А ты была в армии, Иволга? – поинтересовалась я. Она пожала плечами.

– Какая армия, война уж давно кончилась... Но если тебе интересно – да, была там. По званию капитан. РХБЗ, если интересно.

– А это что?

– РХБЗ? – она прищурилась, – войска радиационной, химической и биозащиты. Хотя после большой войны на самом деле служила в разных местах. Чем только не занималась.

– А теперь ты что, в Кузин?

– Да, – она кивнула, – двигаюсь вот к вам в Кузин. Да не доехала немного. Присела отдохнуть, а тут эти голубчики, глупо, в общем, влетела.

Я смотрела на нее с благодарностью. Два раза ведь уже спасла мне жизнь! Если воду считать – то три. Она права, недаром служила в биозащите. Так-то и нам в ГСО объясняли – воду из реки сырую ни в коем случае не пить.

Это я все забыла, расслабилась, за два-то года на заводе.

– Спасибо, кстати, – сухо сказала Иволга. Я вытаращилась на нее.

– Спасибо, что помогла, – пояснила она, – ты молодец. Без тебя я бы не смогла обезоружить лесного.

– Ну... я тоже ведь в ГСО была, – мне стало приятно.

– А ГСО – это что?

– Городская самооборона, – ответила я, – только оттуда пришлось уйти, потому что я на работу устроилась.

– А что это за самооборона? Народ сам организовал?

– Ну в общем, да. Это Ворон. Мужик один, он тоже был военным, и вот собрал народ, оружия сейчас полно везде. Ходят, патрулируют. ГСО – оно против дружин, ну бандитов, то есть. Людей защищает.

– Ясно. Тебе в городе-то есть куда пойти?

– Ну... да, есть в принципе, – я сразу подумала про бабкину квартиру. Пойду туда, если еще не занял никто.

– Тогда поехали, – Иволга поднялась, – отдохнули, и хватит, верно?

Она довезла меня на Зонгшене до Хрущевок. Этот район сохранился лучше, чем Обувная Фабрика. Некоторые развалины даже в пять этажей, хотя верхние этажи, конечно – одни остовы. Возле бабкиного дома горы обломков и мусора такие, что проехать ни на чем невозможно, только пешком. Я попросила Иволгу высадить меня, она попрощалась и уехала, а я стала пробираться сквозь завалы.

Давно уже не была в бабкином доме. Может быть, и зря я сюда. Жилье у бабки почти благоустроенное, с чего я взяла, что там еще нет никого? Раньше соседи у нее были тихие, приличные, а кто там живет теперь? Но я слишком устала, чтобы искать что-то еще. Или вообще принимать меры, осторожничать. Если вдуматься, всего несколько часов назад я готовилась окончить жизнь живьем на вертеле или в ином жутком положении. После лесников – что мне какие-то соседи? Я бесстрашно поднялась по двум сохранившимся лестничным пролетам. И оказалась на площадке, которая обрывается с одной стороны в пустоту. А с другой – дверь в стене, а на стене даже какая-то штукатурка сохранилась. Дверь я толкнула и быстро поняла, что все благополучно – никого в бабкиной квартире до сих пор нет.

Никого – но и ничего уже нет. Остались только стены. Но и это хорошо, стены – защита от ветра, от дождя-непогоды, от скорого снега. В бабкиной квартире одна большая комната с остатками стены посередине – вероятно, раньше была комната и кухня, здесь кусок внешней стены выломан, но тщательно заделан фанерой. Правда, окно выбито, так что здесь всегда температура как снаружи, разве что нет ветра. А вот маленькая комната, спальня полностью цела, и в ней бабушка вставила даже стеклянное окно со старинными двойными рамами. Если в спальне топить печку – то зимой тепло.

Но печку, конечно, давно унесли. Как и всю мебель, которая хоть на что-то годилась. Остались два деревянных мата на полу, да в кухне я нашла древний массивный буфет. Разумеется, пустой. Не тронули, потому что оргстекло там в основном и ДСП с несгораемой пропиткой.

Насекомых не было, хотя кажется, в матах муравьи завелись.

Ну что ж, и это начало. Раз до сих пор на эти стены никто не позарился, мне можно будет здесь жить.

Первая забота – еда. К хорошему быстро привыкаешь, вот привыкла я ужинать каждый вечер, принцесса этакая, и теперь в животе у меня будто вакуумный фугас взорвался. Жрать, словом, хочется. К тому же надо выяснить, как с работой, ведь сегодня я, выходит, прогуливаю.

Так что новое свое жилье я оставила как есть и двинулась на улицу – на поиски съестного и устройство своей новой одинокой жизни.

2

Завод. Так или иначе, но вокруг него крутилась вся жизнь в Кузине.

После бомбежек – сначала Большой Бомбы, а потом еще разборок с Ак-Ордой, Завод какое-то время не работал. Но потом все затихло, да и разрушать в городе стало нечего. Я еще помню, как приехали узкоглазые деловые люди в черных костюмах, говорили на своей тарбарщине. Они появились как из другого мира, где и войны-то не было, чистенькие, на новых блестящих внедорожниках, с мощной вооруженной охраной. При них был заложен Новоград, там отстроены коттеджи, стена – новым хозяевам Завода надо было где-то жить. Тогда все закрутилось. Мать тоже пыталась устроиться на Завод, но ей не повезло – работу получили далеко не все.

Потом китайцы куда-то пропали, вместо них в Новоград вселились другие люди – вначале казахи, потом наши русские, тоже в костюмчиках и на внедорожниках: Завод сменил хозяев, и не один раз. Сейчас главным владельцем был Василий Фрякин, по слухам, он еще до войны сделал большие деньги в нефтянке. Эта перемена хозяев предприятия никак не влияла на жизнь города. Каждый день от ворот Завода уходили вереницы фур, набитых электронными устройствами: системами наведения ракет, самолетными компьютерами, автопилотами, коммами – военными и гражданскими, со встроенными датчиками радиации, навигаторами и прочими полезными штуками. Железная дорога давно была взорвана и восстановлению не подлежала. А вот шоссе китайцы починили. Вся продукция Завода, видимо, нужная кому-то в таинственном большом мире, но совершенно недоступная жителям Кузина, уезжала в манящую даль, а работяги получали талоны и возможность брать на них продукты на заводском складе – немного, но лучше, чем ничего.

Два года назад повезло наконец и мне. Впрочем, когда вкалываешь на Заводе, начинаешь сомневаться – повезло ли? Первый год постоянно болела спина, думаю, если бы не мать, я бы не выдержала и ушла. Но матери я опасалась, она бы меня точно убила тогда. На второй год спина болеть перестала. И вообще что-либо перестало болеть. Мысли стали кататься по кругу, как вагонетка по рельсам: с утра встаешь – и в цех, и одни и те же ящики туда-сюда, туда-сюда, и так целый день. Причем даже подумать о чем-то другом нет времени, потому что темп очень быстрый, только зазеваешься – раз, и пропустила ячейку, куда надо ящик вставлять. А если много зевать, то ведь и выгонят в конце-то концов, мастер вокруг ходит, наблюдает.

Можно подумать, что я стала разбираться в технике, в этих самых электронных устройствах. Как бы не так! Я даже не знаю точно, что выпускает наша линия. Вроде бы, коммы. Но может, и другие приборы. Мы об этом никогда не говорили, да и какая разница? Время от времени моя работа менялась, возникало разнообразие: то, например, мне нужно было вставлять загогулину в отверстие, весь день вставлять одинаковые загогулины в одинаковые отверстия; то чистить специальной щеточкой пазы в машинах. Но чаще всего я переставляю ящики, это мое основное место.

...Но все-таки работа, наверное, лучше, чем ее отсутствие. Пусть иногда мечтаешь – вот если бы с утра просто не надо было никуда идти... Но работа – это стабильность. Это когда ты знаешь, что можно зайти и взять консервов, хлеба, сухого молока, муки, даже шоколад иногда бывает. Я шоколад еще помнила по довоенному времени, но уже очень давно для нас любая нормальная еда была праздником. Теперь вроде как и норма. Радости особой не приносит. Но представить, что нельзя будет есть два раза в день, что опять надо каждый раз где-то что-то добывать, доставать, выискивать, подрабатывать... Эта мысль вызывает ужас. Да, конечно, за право выжить надо работать с раннего утра до поздней ночи, все дни, кроме воскресенья, это так. Но ведь это нормально, все так живут, всегда люди так жили.

К счастью, карман куртки у меня дырявый. Почему к счастью? Потому что в дырке, в глубине подкладки я обнаружила два талона. Вопрос с едой на ближайшие пару дней решен. Остальные талоны, к сожалению, остались в доме, и лезть туда я не рискну. Да и бессмысленно – лесники уносят все, что надо и не надо, все без разбору. А что не унесут, то сожгут и попортят.

Короче, добрела я до проходной. Там меня пропустили без вопросов, это уже хорошо – значит, в базе данных я есть. Ну не удалят же меня сразу, это было бы странно.

Первым делом я рванула на склад. Да, надо было сразу в цех, но уж очень голод мучил. На складе дежурила баба Яра. У нее нет одной ноги, при каких обстоятельствах она потеряла конечность – не знаю, но ничего особенного в этом нет. Вот разве то удивительно, что баба Яра при этом умудрилась выжить и устроиться на отличное местечко на складе – лучше не придумаешь.

Баба Яра сидела на табуретке, облокотившись на стену, и далеко отставив руку, читала бумажную книгу. Она чуть скосила на меня глаза и, ничего не сказав, продолжила чтение. Я подошла ближе.

На обложке стояло что-то непонятное, на нерусском языке. Что-то вроде «fundamentals» и «linguistic».

– Баб Яр, мне на два талона бы, – попросила я искательно. Кладовщица вздохнула, сгрузила сидалище с табурета. Бросила книгу и подхватила стоящий рядом костыль.

– Почему не на работе? – поинтересовалась баба Яра, отпирая раздачу. Я вздохнула.

– Так вышло.

– Зря, – бросила она, – сегодня у вас Карабас дежурит.

Я похолодела.

– Как ты думаешь, простят? Хоть не выгонят? – тихо спросила я. Яра остро глянула на меня умными темными глазками.

– Как тебе сказать... ты почему не пришла?

– Лесники, – я помрачнела, – дом сожгли. Я... убежала. Не могла сегодня, только вот добралась до города.

Аж самой реветь захотелось.

– Да... бедолага, – посочувствовала Яра, – тебя-то хоть не тронули?

– Не, не успели. Я убежала. А мать убили.

– Да ты что?

Я кивнула и отвернулась, чувствуя, что слезы уже на пороге. Впрочем, поплакать в такой ситуации не вредно – только вот неловко все равно.

– Ладно, тебе чего дать-то на два талона?

Я взяла хлеба, разливного молока – это дешево, банку тушенки. Лучше было сухарей взять, на дольше бы хватило, но что-то очень мяса хотелось. Яра мне все взвесила, налила молоко в пластиковый пакет. Потом сказала.

– Ты ведь у Ворона была, в ГСО, да?

– Ну да, но это давно уже.

– Так-то ты не прогуливаешь, нет, – Яра будто вслух задумалась, – не пьешь, не ширяешься...

– Какое... меня мать бы убила.

– Ну ладно, иди, – Яра кивнула, – и вот что. Если у тебя с Карабасом что-то не выйдет... ты ко мне зайди еще раз, лады?

Надо было опять же быстро идти в цех, но я первым делом выпила все молоко и заела куском хлеба. Вот так, после еды я нормальный человек, в глазах не темнеет, желудок не сводит. Разве что тяжесть в животе. Теперь можно и к Карабасу идти.

На нашем участке этого мастера ненавидели все. Основным методом работы он считал ор. Как раскроет пасть, как начнет орать! А потом штрафы распределяет – кого талон лишит, кого выходного, и все из-за любой ерунды. Нравилось ему чувствовать себя главным, и чтобы его все боялись, хотя сам он был плюгавенький, низенький, с черными усиками, и вообще похож на мутжука. Меня трясло, когда я его видела. Его дежурство превращало смену в сплошной стресс – проходя мимо, он никогда не удерживался от замечаний.

Но что поделаешь? Именно сегодня дежурит он. Значит, с ним и объясняться.

Дверь цеха отползла автоматически. На Заводе – не то, что в городе, тут все современное, шикарное, сплошная автоматика. Я прошла через «предбанник» и сразу увидела свое рабочее место. Оно прямо у входа: там робот стоит, который запечатывает металлические ящики. А вот переставить их на погрузчик не может: вагонетки едут с разных сторон, вставлять надо в пазы, причем размеры их не одинаковые. Тут соображать надо, робот нужен слишком дорогой, а наши хозяева не рвутся закупать, да и зачем, если есть такие, как я? Которые ставят ящики в ячейки погрузчика, быстро соображают, как подойти, да с какой стороны взяться. Здесь я и работала последние несколько месяцев.

И сейчас мой участок не простаивал. На нем трудился незнакомый паренек. Еще моложе меня вроде бы. Но крепкий. Работал хорошо, без усталости – энергично нагибался, ящики хватал играючи, переносил на погрузчик.

Я ни разу этого паренька не видела. И это мне не понравилось.

– Кузнецова? – я подскочила, услышав свою фамилию. По обыкновению, Карабас подошел неожиданно, – ты что здесь делаешь?

– На работу пришла! – крикнула я, чтобы перекрыть шум цеха.

– Посмотри, сколько времени! – Карабас постучал по собственному комму на запястье.

Потом махнул мне рукой, и мы вышли в преддверие цеха. Здесь потише, можно нормально разговаривать.

– Господин мастер, – заканючила я, используя заготовленные фразы, – я не прогуливаю! У меня уважительная причина есть... На нас напала банда, мою мать убили! Я смогла убежать и только вот сейчас до города добралась.

– Меня не интересует, – холодно прервал Карабас, – ты уволена, Кузнецова. Ты уже уволена, поняла?

– Но господин мастер...

– Тебе не ясно? Меня не интересуют твои излияния, причины, слезы, сопли. Ты не явилась на работу – на твое место взяли другого человека.

Это было как удар дубинкой по башке. В глазах потемнело. В этот момент я даже не думала о последствиях, не взвешивала – лучше, хуже, что делать. Мне просто было нестерпимо обидно – и потому что вот так взяли и выкинули с работы, которую я добросовестно выполняла два года. И хорошо ведь работала! И потому, что сделали это так несправедливо!

Интересно, зачем он стоит здесь? Чего ждет от меня?

– Но господин мастер... – выдавила я.

– Давай, вали! – он указал рукой на дверь, – Таких, как ты, по пучку на каждый метр, а ты еще выёживаешься, на работу не ходишь! Вконец обуели, быдлота!

Я повернулась к двери. Выслушивать гадости я ему не обязана. Мне и так плохо.

Сделала несколько шагов, и тут Карабас меня снова окликнул.

– Эй, Кузнецова!

Я машинально повернулась. Господи, до чего ж рожа у него противная! Усы эти неровные, жирные губы.

– Если жрать нечего, заходи. Знаешь, где я живу. Может, помогу чем.

Меня передернуло. Ага, щас, конечно же. Поможешь ты. Конечно, некоторые девки и так к нему ходили, за что быстренько выбивались в начальницы участков, или сидячие места полу-

чали, или еще что. Но эти усы – как у таракана же! Спасибо, нет уж, обойдемся без твоей помощи. Я уже вылетела за дверь, в спину мне били очереди отборного мата – Карабас понял, что на тушку мою рассчитывать не приходится. Возмущение было так велико, что вытеснило даже боль от потери работы. Поможет он, ага! Обойдемся без тебя как-нибудь, сосать тебе я точно не собираюсь, тварь поганая... тем более, что... И тут мне в голову стукнуло – баба Яра.

Она же предложила зайти, «если вдруг». Ей-то вряд ли нужны мои прелести.

Баб Яра сидела в той же позе на табурете, с той же старинной бумажной книгой. Увидев меня, сдвинула разбитые переклеенные очки на лоб. Уставилась молча, видимо, ей было все ясно с первого взгляда. Я прислонилась к стене. Выдавила с трудом.

– Выгнали. Что теперь делать?

Оно конечно, большинство народу живет без всякой работы. Даже приятно, как подумаешь – с утра никуда идти не надо. Но я не смогу... мне трудно будет. Я уже привыкла к хорошему – склад, настоящий хлеб, мясо, черт возьми... хотя кто его знает, из чего эти консервы делают, но можно поверить, что это и правда говядина. Два раза в день еда. Цивилизация! Как возвращаться опять к этой жути, когда неизвестно, дотянешь ли до конца недели – или загнешься?

Баба Яра поднялась с табурета.

– Тебя как зовут-то? В лицо помню, а по имени...

– Маша. Мария Кузнецова.

– В школу к Семенову ходила?

– Да, два года, – я не хотела упоминать, что ходила довольно редко – то матери надо было помогать, то просто лень.

– Читать умеешь? Таблицу умножения?

– Умею, – я кивнула. Арифметику в школе я все-таки изучила, интересно было, а читать... я вообще сама читать научилась, в детстве еще, до войны. Нравилось мне это.

– Вот что, Маша, – решила баба Яра, – мне тут помощницу пообещали. Сказали, чтобы я сама нашла кого-то. Уборщица у нас умерла, ну а я же не могу, – она кивнула на обрубок ноги, – но мне надо, чтобы ты не только убирала, но и помогала мне счета вести, записи, товар принимать и так далее. Нужна грамотная. Ты как насчет этого?

Я аж дышать перестала!

– Очень хорошо, тетя Яра! Я бы очень, очень хотела! Возьмите меня.

– Только, – охладила мой пыл кладовщица, – на четверть ставки. Через день будешь ходить, работать по восемь часов. И плата у нас меньше, чем у рабочих, так что сама понимаешь...

– А сколько? – поинтересовалась я.

– У тебя будет шесть талонов в неделю.

С завода я выходила окрыленная. Хотя перспектива дальнейшей жизни так и не прояснилась до конца. Легко сказать – жить на шесть талонов в неделю! Да, у большинства нет и этого, но раньше-то я тридцать получала. Можно было с трудом даже вдвоем питаться. А как теперь? Мысленно я перебирала, как жить – брать буду только сухари и крупу. Это самое экономное. Конечно, и это впроголодь, это, собственно, голод – меньше талона в день, считай, ничто! Но ведь раньше же мы существовали совсем без зарплаты! Буду червей собирать, это вместо тушенки. Мы на мутожуках да на гусеницах сколько раз выживали. Охотиться бесполезняк, дичи мало, и осторожная она. Весной посажу зелень да картошку – в городе много не вырастишь, но зато и безопаснее, чем в лесу, и хоть какой-то урожай. Буду в свободное время ходить подработку искать – если стараться, всегда что-нибудь да найдешь.

Некоторые девки известно каким промыслом занимаются, но там конкуренция огромная, а я если честно – так себе. Не красавица. Карабас бы мной не побрезговал, тело молодое, а он это дело, говорят, любит. Но зарабатывать этим – значит, конкурировать на совсем другом уровне; опять же, не умею я ничего в сексе этом, противно мне это все... Так что маловероятно. Да и кончают эти девки часто тем, что оказываются у дружков, а там, считай, как рабство. Нет уж, это не по мне.

И так я успокоилась и даже развеселилась отчего-то, что когда шла к дому, стала думать совсем о другом. Сначала об Иволге – вот она, почему-то кажется, вообще не переживает из-за того, где работать и на что жить, она сильная, как мужик, устроится везде. А потом вспомнился мне Ворон.

И вдруг стало ясно, что теперь ничто не мешает опять пойти в ГСО. И вспомнилось, что когда я была в ГСО, чувствовала себя очень хорошо. Хотя бывало опасно, да и учиться военному делу трудно. Но очень хорошо я там себя чувствовала.

Я в ГСО пошла в 13 лет, но наврала, что 14, потому что Ворон только с 14 брал. И влюбилась я тогда в него как ненормальная.

Сейчас, конечно, я в Ворона не влюблена – я же не дура. Но все-таки – почему не пойти туда опять? Может, потому, что я пережила смертельный страх в руках у лесников, и вспомнила, что единственное, где меня учили противостоять такому страху, да вообще единственные, кто как-то борется против этих козлов – ГСО.

И я приняла твердое решение – надо пойти.

Но пошла я в ГСО не сразу, а лишь через несколько дней.

В это время я занималась устройством новой жизни. На следующий же день вышла на работу на складе. Меня оформили официально на четверть ставки. Я сразу там навела порядок, баба Яра сказала, что прежняя уборщица бухала, так что особо-то не старалась. Я нормально ящики расставила в штабели, проходы все вычистила. Помыла шкафы, потравила тараканов в одном помещении, выставив оттуда все съестное. Пол тоже вымыла везде и даже окна. И еще я успела немного посидеть с бабой Ярой за компьютером, она мне сразу показала, как поступление товара заносить, как выдачу. Ничего сложного в общем-то. На самом деле даже таблицу умножения знать не обязательно.

Работа не такая уж плохая. Не как на заводе, где все время одно и то же. Здесь, считай, то моешь, то убираешь, то товар перекладываешь, а то и за компьютером что-то вносишь. Разнообразие. Опять же хорошо быть при продуктах. Конечно, воровать упаси боже, каждый сухарь на счету, да и баба Яра предупредила, если что – вылетишь сразу. Но приятно даже просто от сознания, что продукты рядом.

В следующие дни я продукты переносила из комнаты в комнату и постепенно вытравливала тараканов и прочее зверье. А то они там расплодились – ужас как!

Дома тоже дел невпроворот оказалось. Под деревянными матами все-таки обнаружились тучи муравьев, да еще каких – огромных, жирных. Я вынесла доски на улицу и протравила, баночку протравки мне баба Яра выдала бесплатно. Странно, что буфет насекомые не трогали, может, дерево чем-то пропитано.

Муравьев я собрала, как мать раньше делала, в банку, заморила паром, а потом слепила с мукой (взяла муки на талон) и запекла на самодельном очаге, который в открытой комнате устроила. Вполне съедобно получилось.

Может, надо было оставить маты, чтобы муравьев разводить на еду. До этого вроде никто не додумался. Червей вот некоторые разводят. Мы с матерью тоже пытались, но дохли они у нас что-то быстро. Да червей летом несложно и на улице накопать. Говорят, до войны было много животных разных – собаки, кошки, кролики, белки, куры. Сейчас животных мало, передохли, а кто сам не передох – тех съели. Крысы разве что остались, но их есть нельзя, говорят,

ядовитые, да и поймать практически невозможно. Только копари некоторые держат животных, так приплод от них дорогой очень.

А вот насекомых и червяков разных много. До войны, говорят, их так много не было, и размеры поменьше. А сейчас черви, если их еще кормить специально, величиной в пол-руки вымахивают. Нормальная еда в принципе, хотя и невкусная. Жуки тоже бывают такие, что одного сожрешь – и наелась вроде. Хотя тоже не так просто их ловить.

Я искала еще подработки какие-нибудь, но ничего пока не нашла.

Самая засада – то, что сентябрь. Зима скоро, надо о припасах думать. И о доме.

Печку надо достать. И уголь либо дрова.

С водой в Хрущевках проблем не было. И ручей в Кузинку через нас бежит, двести метров от дома, и колодец в Горсаду выкопали. С утра сбегаете до Горсада, два ведра принесете – а больше-то и не надо. Зимой и колодец не нужен, снег топи – и все дела.

Разную утварь я натаскала домой – те же ведра, миски, даже матрац старый нашелся. Кое-что мне баба Яра подарила и другие знакомые с Завода, одеяло соседка Лизка снизу отдала. На Свалку я наведалась, и там как раз посуды нарыла всякой.

Доски, которые я от муравьев протравила, решила использовать, чтобы дыры в стенах заткнуть. В одной комнате хотя бы – во второй-то вообще провал, бабка там зимой и не жила, только припасы держала. Я начала ремонт, а сама пока напряженно думала, чего жрать зимой буду. Чаше всего от голода мрут зимой и весной. Летом не помрешь – тут и грибы идут, и зелень разная, и насекомых полно. Может, найти какой-нибудь ящик, и там червей держать зимой? Да только чем кормить – своим пайком нет смысла, я его лучше сама съем. Словом, ничего я пока не придумала. А тут наступила пятница, и я решила все-таки снова пойти в Танку.

Почему расположение ГСО так называлось – очень просто, это и вправду раньше когда-то, до войны, было танковое училище. Остались от него руины. Но уцелел плац, полоса препятствий, ну и в обоих корпусах помещения были кое-где целые, и подвалы – там у нас оружие хранилось, занятия проводились теоретические. В центре расположения еще памятник остался – танк на постаменте, а внутри постаментов комната.

Подошла я к воротам, часовые стоят незнакомые, две девчонки младше меня. Ну я с ними перетерла, они внутрь позвонили, и надо же, сам Ворон вышел к воротам меня встречать.

Раньше бы я описалась от восторга, наверное.

Ворон мало изменился. Те же карие небольшие глаза с прищуром, вечно настороженные, обветренное лицо. Камуфляж городской, шапочка черная на голове. Ножны красивые, с серебристым узором, вроде дагестанские. И нож торчит его, хороший нож, помню еще рукоятку. А вот пистолет новый, не обычный какой-то, а вроде бы Глок. Ворон протянул мне руку.

– Здорово, Маус. В гости – или насовсем?

– Хочу вернуться, – твердо сказала я, глядя ему в глаза, – мать у меня убили.

Ворон кивнул.

– Как часто сможешь? С работой как?

– Выгнали, – буркнула я, – смогу теперь ходить.

Хотела добавить «если с голоду не сдохну», но постеснялась. Вышло бы слишком жалостливо.

– Зря ты не ходила, – мы с Вороном двинулись вглубь двора, – у нас ходят и заводские тоже.

Я удивилась – когда они ходят? Оказывается – раз в неделю, в воскресенье. Некоторые в субботу. Те, что в ночную смену – перед сменой. Даже в патрули ходят. Да, может, и я ходила бы, но у меня ведь еще и мать была долбанутая.

Мы обогнули здание, на плацу шли занятия. Явно новички занимались – у них было несколько ОЗК, надевали их по очереди на время. Преподаватель впереди командовал. Я уви-

дела этого командира и остолбенела. Не кто иной здесь патрульных обучал, как моя новая знакомая – Иволга!

Увидев нас, женщина махнула своим курсантам рукой, продолжайте, мол, и подошла.

– Здорово, Маша, – она пожала мне руку.

– Вы что, знакомы? – удивился Ворон.

– Да, довелось, – усмехнулась Иволга, – как раз когда в город к вам ехала. Маша мне здорово помогла. А ты, значит, тоже в ГСО?

– Раньше была, – смутилась я.

– Маус – опытный сержант, – неожиданно похвалил Ворон. В моей груди стало тепло – надо же, оказывается, здесь помнят Машку Кузнецову. И ценят даже. Это тебе не Карабас – «пошла вон, быдлятина, цена таким, как ты – три копейки пучок».

Иволга с интересом взглянула на меня. Ну а что? Он прав. Звания, конечно, у нас самопридуманные, не совсем как в армии, но по нашей классификации я действительно сержант. У меня есть опыт, я командовала патрулями. И пускай я два года не служила в ГСО, знания и навыки не пропьешь.

Иволга посмотрела на Ворона со значением.

– Опытный сержант нам теперь особенно пригодится, верно?

– Конечно, пригодится, – Ворон энергично кивнул, – кстати, через полчаса инструктаж, Маус, подходи в третью учебку. Ну и оружие получи сначала.

Я спустилась в оружейку – подвальчик находился там же, где и раньше. А вот дежурный был незнакомый, дед какой-то, лицо перетянато жутким шрамом.

– Тебе чего? – спросил он, глядя на меня с подозрением.

– Я сержант, позывной Маус. Мне нужно оружие получить, приказ Ворона, – сказала я веско. Тут главное – уверенность.

– Ну заходи, – старик попятился, – да вон, смотри, выбирай.

Я вошла, взглянула на аккуратно разложенные бесхозные пока стволы, и мной овладела жадная радость. Насобирали ребятки. Я пошла вдоль ряда, приглядываясь.

Люблю я личное стрелковое, что тут скажешь. И набор оказался получше, чем два года назад. Тут и старенькие «Метал-Шторм». И российские АКМ-216, таких было больше всего, только модули разномастные: у одних гранатомет отсутствовал, у других наоборот, по три ствола в наборе. В общем, выбирать надо. Еще были китайские «двадцать вторые». И даже две гауссовки «Г-12». Прелесть! Аккумуляторы внешние, на ствол подвешены. Взяла я гауссовку, повертела, подумала. Вообще, конечно, от такого грех отказываться. Вот только... старыми стволы выглядят, и если для АКМ или «двадцать-второго» возраст не так важен, то у гауссовки это – почти наверняка проблемы с батареей. И аккумуляторы явно не менялись давно, да и где найдешь-то такие?

– Старые? – спросила я оружейника. Он кивнул. В его медвежьих глазках возникло уважение.

– Не бери. Батареи как повезет – то выстрелит, то нет.

Я кивнула, со вздохом положила гауссовочку. Хорошая вещь, не сравнить с обычной пушкой. А вот «Хеклер-Кох», из других стволов он выделялся необычными очертаниями. Я подняла автомат. Осмотрела – чистый, не особенно потрепанный, спусковой крючок целый. Задумалась... Прицел у Хеклер-Коха хороший, отличная оптика. А это важно. Все эти армейские комп-насадки, автоприцелы, регуляторы – они очень в бою помогают, конечно, но они требуют техника-инженера в части, который их регулярно обслуживает, меняет, программирует. А откуда у нас такие спецы?

Поэтому хорошо, когда есть старая обычная оптика.

Я приложила Хеклер-Кох к плечу, подумала. Да и держать его удобно. Вот одно только... боеприпасы. Патроны у него безгильзовые. Это сама по себе хорошая фишка: скорострельность высокая, не греется. Но искать такие патроны – геморрой, редкость.

Жаль, ну очень жаль! Но не хочу я рисковать, что в самый сложный момент патроны кончатся, и ни у кого запасной рожок не возьмешь.

Оставила я свои дамские капризы и стала перебирать обычные АККМ, то бишь автоматические комплексы Калашникова модернизированные. Для краткости говорят, как раньше, просто АК, или даже «коля» почему-то у нас называют. Пузатенькие комплексы из гранатомета и одного-двух автоматных стволов. комплектация была разная, изношенность – тоже. Я повозилась какое-то время и наконец положила глаз на довольно новенького «колю», с хорошим гранатометом на 25 мм, с двумя стандартными стволами, под бессмертный калибр 5,45. У него даже электронный прицел работал.

– Правильно, – одобрил оружейник, – че выпендриваться? АК не выдаст.

Он выдал мне подсумок, а за остальным снаряжением мы пошли на следующий склад. АККМ-216 я поставила на выделенное мне место, автоматы домой брать все равно запрещалось.

Дальше я выбрала пистолет – их было мало и в основном хлам, я взяла старый, более-менее целый «Удав». Сенсоры, понятно, сбиты, но это ладно.

Во время Войны кучу всякого оружия напридумывали со встроенным интеллектом, со знанием хозяина – сенсорами этими. Это все хорошо, но сейчас уже мало что из этого работает. Тонкая электроника давно попорчена, а чинить некому, тут специалисты нужны, а их мало.

Снаряжения оказалось немного. Если оружие мы в основном у противника отжимаем, то снаряги нет и у дружков, не говоря уже о лесных. И те, у кого есть «Ратники» или хотя бы нормальные броники, как правило, не гибнут, и снять с них ничего нельзя.

Хорошо еще, нашелся хоть один броник, великоватый, ну да ладно. Шлем оказался неплохой и в самый раз, но конечно, без тепловизора, без электроники. Еще я взяла разгрузку и дополнительный нож, аптечку, из спецзащиты нашелся только противогаз, его я тоже взяла, на что дед одобрительно кивнул.

– Молодые думают, не нужно теперь... дурни. Правильно берешь.

Ну да, редко мне приходилось противогазом либо ОЗК пользоваться. Туда, где радиация, мы не ходим. Но мало ли что может быть? У дружков какие-нибудь газы окажутся.

Я поблагодарила старика и пошла вверх, пообщаться и посмотреть.

Я походила по Танке, но общаться толком было не с кем. Знакомых почти не увидела – то ли всех повыбило за эти годы, то ли еще что. Новеньких оказалось много, и все они усердно занимались, группа ребят трудилась на строительстве какого-то сарая; на площадке стреляли по мишеням, тут же на столе изучали матчасть оружия, еще одна группа занималась физподготовкой. В общем, все как обычно.

Ничего удивительного нет, что Иволга нашла ГСО и пришлась тут ко двору. Она же боевой офицер, пусть РБХЗ – но это в большую Войну. А потом воевала в разных местах и повсякому. И почувствовала я в ней, еще там, у лесников, такую жилку, как у Ворона – беспокойную, жесткую; она не из тех, кто в дружки пойдет или собственную жизнь обустроит как куркулиха, и все в норку, все в норку. Она вот из таких же, как Ворон, о других думает, о жизни вообще. Почему все живут как нормальные люди, говорила мне мать, а этот твой Ворон бесплатно самооборону устраивает? Ему что – заняться нечем? Лучше бы женился, семью обеспечивал. Он просто дурак, дурак он, говорила мать, чокнутый, вот такой (и крутила пальцем у виска), и ты такая же дура, что к нему ходишь... и еще много гадостей говорила. Не могла она

понять, как это можно что-то делать бесплатно? Только чокнутые так могут. Вот и Иволга – она такая же, чокнутая. Это я по ней сразу поняла.

Я спустилась в третью учебку. Здесь все щели законопатили, покрасили стены, словом, сделали неплохой ремонт.

Тут наконец появились знакомые лица. Мы жали друг другу руки, хлопали по плечам. Все, кто меня знал, бурно радовались. Чингиз. Танька-Багира. Гера. Близняшки Марта и Грета. Медведь даже был жив еще, хотя ему не то шестьдесят, не то семьдесят. Он тоже до войны еще в армии служил.

Народ наперебой рассказывал о том, что и с кем случилось. Муссона убили в стычке совсем недавно, оказывается. Тигра умерла в прошлом году не то с голоду, не то грипп доконал, я помню, кстати, этот грипп у нас цех чуть не ополовинил. Тогда же умерли Венера и Хард. Земляника в лесу на мутлов нарвалась. А вот Ричи жив, только устроился в охрану и теперь не появляется.

Вошел Ворон, а с ним – Иволга. Мы все заткнулись, встали, поприветствовали, как положено.

У нас в ГСО порядки, конечно, не как в армии – как рассказывали служившие, там строже все и вообще по-другому. Но к какой-то самопридуманной дисциплине Ворон всех приучил.

– Вольно, садитесь, – велел наш командир, – сейчас, товарищи, поговорим о нашей будущей тактике. Идея была такая давно. Но во-первых, не хватало людей. А сейчас, как вы знаете, пополнение пришло большое. Во-вторых, вот Иволга, – он взглянул на женщину, – предложила конкретный план, как нам это осуществить.

Я слушала, и мурашки бежали по коже. Ничего себе идея...

Они хотели постепенно очистить город от дружин вообще. Чтобы город остался только уже нашей территорией. В принципе, ГСО для того и создавалась: пусть себе лесники за чертой промышляют, а в городе люди должны безопасно жить, чтобы не бояться бандитов или людоедов каких. Но никогда это не получалось, все равно в городе дружины базируются. Тут, конечно, грабить особенно некого, но у рабочих все равно бывает какая-то еда, бывают припасы на зиму, топливо, вещи. Оружие бывает – многие достают, обменивают на что-нибудь, потому что хочется себя защитить. Но если ты в одиночку или с семьей – оружие у тебя легко отберут.

Мы обычно ходили в патрули, по трое-четверо. Этого хватало, чтобы отбить нападение достаточно большой группы, нас реально боялись. Когда мы дежурили, дружки старались не промышлять. Но все равно мы не успевали везде.

А Иволга предлагала провести облаву. Об этом Ворон тоже мечтал давно, но неясно – как, сил у нас не так уж много.

Иволга утверждала, что это возможно. Провести вначале разведку, на карты нанести – где какая дружина в городе базируется. А затем ударить сразу всеми силами по одной из дружин, и, если это сделать с умом – то вполне можно разбить бандюков, выкурить в лес. А после этого сразу усиленное патрулирование, и – вербовать народ в ГСО, в каждом районе местных привлекать. Заодно захватим боеприпасы, еду, все, что у бандюков найдется.

Выходя из учебки, мы говорили наперебой о новом плане. Я больше помалкивала, ведь давно уже не была среди своих. А ребята, похоже, воодушевились.

– Видишь, как, – объясняла мне Гера, – в последнее время много народу повыбивало из наших. Почти в каждом патруле что-то да случается. Дружины расплодилось в городе, невозможно стало жить. Оно конечно, навсегда их не уничтожишь. Но надо один раз хорошо ударить, потом какое-то время поспокойнее будет.

А я слушала, и все это казалось мне нереальным. Наивные люди. Вот дураки-то, сказала бы моя мать. Да что они хотят сделать с бандитами, неужели в наших силенках это – разобратся с дружинами? Ведь их много. Среди них есть такие, как дружина Горбатого, и не один ведь он такой – еще Батя есть, еще Хан в Заречье, а это десятки, если не сотни или даже тысячи мужиков, все с оружием, да получше нашего. А еще мелочи сколько, да каждая такая мелкая дружина – как вся наша ГСО, только куда сильнее и опаснее.

В Новограде своя армия есть, охрана – может, они и смогли бы разобратся с бандами, но не станут. Им это ни к чему. Тамошняя охрана только для того и нужна, чтобы начальство, живущее в Новограде, защитить. И сам Завод, конечно.

И вот с этим Ворон с Иволгой надеются справиться?

Дураки, ничего не скажешь. Но я смотрела на лица ребят, смотрела, как Ворон в отдалении с новичками занимается, и понимала, что останусь с ними. Как ни крути, но все эти годы ГСО сохранялась, выживала, и даже больше стала, чем раньше. И хотя все это бессмысленно, так, развлечение одно – было мне понятно, что жить без этого я не хочу и не могу. Будто смерть матери в каком-то смысле освободила меня, теперь я могла делать то, что мне хочется, то, что я считаю нужным.

Даже если это полная глупость.

Если разобратся, вся наша жизнь состоит только из добычи пропитания. До Войны люди, если в книжках почитать, жили богато, покупали машины, брали квартиры и платили за них всю жизнь, но ведь зато у них было нормальное жилье. Беспокоились, какая одежда красивее, телефоны старались купить необыкновенно крутые. Ныне же у нас практически все – кроме начальства, конечно – добывают в основном еду. Рабочие весь день вкалывают только за еду, а потом валяются без сил. Остальные заняты добычей. Например, вот рассказала одна бабка у нас во дворе, что видела кошку – так вокруг подвала силков наставили, не пройти. Каждый надеется, что кошка именно в его веревке запутается, хотя, может, и вовсе не было кошки.

Ну а если не ищешь еду, то что-нибудь другое все время надо. Например, уже холодно становится. Куртка у меня есть, еще старая из ГСО, трофейная. Тогда на вырост была, а теперь как раз. А вот с обувью – вообще никак. В полуразваленных летних туфлях хожу. Оно конечно, на складе и обувь есть, и промтоварные талоны рабочим выдают. Но мне на них теперь не заработать. Решать проблему надо как-то.

Далее, топливо на зиму. Да, зимы сейчас не такие страшные, как после войны. Теплее становится. Когда я маленькая была, вообще на улицу зимой не выходила, пряталась по углам от матери. Потому что зимой выйти – это через пятнадцать минут верная смерть. Хоть как закутывайся. Минус шестьдесят было, а говорят, что и больше. А теперь от силы минус сорок бывает. Однако если растопки не раздобудешь, то сдохнешь все равно.

С топливом я поступила по-старому. Про уголь, конечно, и речи нет, угля мне не купить, хотя иногда привозят, продают. Мы с матерью всегда ходили в лес, это опасно, но что делать? Там, кстати, и грибов можно набрать, надо только знать, каких. И соответственно, валежник, ветки. И вот в свободные дни я стала ходить в лес – промышлять. Возвращалась с огромными тюками, набитыми сухостоем, ветками очищенными – нож теперь у меня есть, по несколько поленьев тоже приносила.

Беспокоило то, что я почти не делаю запасов еды. А ведь скоро уже будет поздно! Я примерно представляю, сколько и чего нужно, чтобы пережить зиму. Если мы запасали меньше – приходилось туго. Но сейчас у меня нет почти ничего!

Решила я наведаться на пепелище – жутко боялась, но теперь у меня есть хотя бы нож и «Удав». Там почти все лесники унесли. Нашла я там несколько своих старых тетрадей, еще

с тех времен, когда в школу к Семенову ходила. Два учебника – по природоведению и русскому языку. Нашла несколько полезных вещей – волчий капкан, например, веревки, дихлофос. И еще они не тронули погребок – яму в яме, мы в погребе сделали еще один потайной схрон. Там продуктов не то, чтобы много, но все же выходит, не зря ходила: полрюкзака картошки, мешочек муки, две банки квашеной капусты, и большая бутылка самогона. Самогон я сразу выменяла на еду, у нас на площадке рядом рабочие живут, они мне дали пять баночек тушенки и мешок сухарей. Ждать зимы с бутылкой бесполезно, зимой спиртное в цене упадет, а еда сильно повысится. Самое то – осенью менять.

Вплотную приблизился вопрос охраны моих сокровищ. Пока я дома, вряд ли кто-то полезет в квартиру, тем более теперь, когда я с оружием. Но вот когда меня дома нет... впрочем, эта проблема стоит у всех. Поговорили с мужиками в подъезде, и вот один привел собаку. С начала войны собаки у нас почти исчезли – их съели. А теперь и у копарей есть, огромные псы, и в городе некоторые покупают у них щенков для охраны, иногда даже псов-мутов. Но эта собака была нормальная, хотя и очень большая. Палевая, с длинной пушистой шерстью и коротко срезанными ушами, звали ее Кара. Договорились понемножку собирать еды на ее кормление. Собака была ненормально умная: запомнила, кто в доме живет, и пропускала всех, а на чужих кидалась.

Конечно, если дружинники полезут, от собаки проку мало: пристрелят. Но если так, воры-одиночки – самое то.

Но надо было укреплять и свою квартиру. Все припасы я складировала в закрытой комнате, еду – в сундук, на сундук раздобыла хороший замок. Так же бабушка поступала, и ничего – ни разу не обокрали. Сложнее с растопкой, ее я аккуратно складывала в углу. Дверь перекрыла еще одним железным листом – в лесу много железа валяется, и в дырку в этом листе вставила опять же замок (два талона пришлось отдать за него). Теперь у меня была надежда, что вот так просто не обворуют.

После этого я сосредоточилась собственно на запасах еды. Самое простое – черви, у нас водятся на Обувной Фабрике, около воды такие подходящие – крупные, полупрозрачные, жирные. Я набирала их в трясине в банки и бидоны. Тара тоже была проблемой! Но тут мне как раз помогла баба Яра, вот тоже еще польза от работы на складе. Там нередко оставались бесхозные пустые банки, ящики и все такое. Баба Яра потихоньку приторговывала всем этим. Со мной не делилась, но банки иногда дарила мне бесплатно.

С червями все просто: провариваешь в кипятке, чтобы точно сдохли и как следует засаливаешь. Соль у нас дешева, на талон мне несколько килограммов досталось.

Пару раз я наведлась к копарям – там хоть и охраняют, а если знать ходы, то ночью можно пробраться на поле и немного картохи накопать. Копари, они трусливые, ночью собак выпускают, но собак не так уж много – сколько там они прокормят? Если аккуратно, то воровать у них можно вполне. Прихватила я и пару кочанов капусты – зимой цинга один из самых страшных врагов.

Но хоть я и была занята выше головы, все равно теперь находила время, чтобы сходить в Танку, в ГСО, к Ворону.

3

– Поздно пришла, – сказал мне Ворон, – но народ еще есть. Иди, набирай себе отделение.

– Они что, совсем с улицы? – спросила я, – вообще не учились?

– Ну неделю занимаются. Кто как. Обучать будешь сама. Бери четырех человек. Мы теперь так будем работать.

И вот я иду вдоль длинного ряда новеньких – надо же, сколько на вербовали.

Причем лучших явно уже разобрали другие. Краем глаза я видела на заднем дворе строящиеся группы. Более-менее крепких мужчин забрали всех. Да их и было немного.

Вот наша реальность – стоят в основном молодые девчонки, есть женщины постарше. Даже очень в возрасте есть. Мальчики тоже попадают, по виду лет до шестнадцати-восемнадцати. На самом деле, может, есть и постарше – но хлипкие.

А вон пацан совсем, лет десяти на вид. Да нет, не мог Ворон десятилетку взять, он с четырнадцати принимает, значит, просто вид такой. Болезнь какая, или просто от голода не вырос.

Было несколько стариков, совсем уже седых, один с палочкой, у другого руки нет. Как они воевать собрались? Тем более, что раз они здесь стоят – значит, боевого опыта нет, в армии не были. Я пригляделась к старику покрепче. Все-таки мужик ведь. Нет, мысленно качнула головой. У мужиков много преимуществ, но есть и недостатки – у некоторых проблемы бывают с тем, чтобы девчонке подчиняться.

Ряд завернул за казарму и внезапно кончился. Я подняла голову – на меня смотрела странно знакомая девушка. Моего возраста, наверное, волосы медовые, глаза карие. Где я ее видела? Не могу вспомнить.

А что, она, кстати, крепкая на вид, здоровая. Пусть будет. Я ткнула рукой в ее сторону.

– Выйти из строя.

Быстро огляделась. А вон же парень очень хороший, странно, что до сих пор не взяли, лет пятнадцать, рост маленький, но крепыш. Вывела и его. Потом увидела женщину постарше с ввалившимся лицом и черными сухими глазами, башкирка, похоже, или татарка. Тоже пойдет. И еще девчонку взяла – маленькая, юркая, меньше меня ростом. Больше просто некого, остальные не лучше на вид. Да иногда такие малышки ничего оказываются – выносливые.

– Отделение, – сказала я, еще раз окинув взглядом свое воинство – за мной! Шагом марш!

Построение я устраивать не стала – они и не умеют еще толком ничего, да и смысла не вижу. На строевой пусть занимаются. Увела свой маленький отряд к хозпостройкам, там есть кусок древнего трубопровода, на нем и расселись.

– Значит так, – сказала я, – я ваш командир теперь. Обращаться можно товарищ сержант. Мой позывной – Маус, в некоторых случаях можно так обращаться. Ну... если интересно, мне восемнадцать лет, в ГСО с тринадцати, то есть уже пять, – два года перерыва я решила пока опустить, – Работала два года на заводе, сейчас меня уволили, работаю на четверть ставки на складе. В ГСО на моем счету двадцать шесть убитых бойцов противника, было боевое ранение, имеются два знака отличия. Теперь ты представься, – я ткнула пальцем в мальчишку.

Тот замялся.

– У меня позывного еще нет... Меня Колей зовут.

Я посмотрела на него, прищурившись.

– Хочешь, будешь Мерлин?

– Чиво? – вытаращил Коля серые глаза.

– Ну это такой волшебник был... в книге, очень древней. Красиво! Мерлин.

Я люблю позывные придумывать. И всегда придумываю красивые, не то, что мой собственный – Маус, надо же!

– Ну... ладно, – согласился Коля.

– Давай рассказывай. Сколько лет, как живешь.

– Мне пятнадцать лет, – покорно сказал новоявленный Мерлин, – живу с бабушкой, родители умерли. Работал у копарей много, ну и так, где придется.

Ясно, почему у него такие плечи широкие. У копарей работка та еще, и с другой стороны, они и подкормить могут.

– А читать умеешь? – спросила я. Коля порозовел.

– Немного. Не очень хорошо.

Дальше о себе рассказала Айгуль, оказавшаяся татаркой. Ей было 46, пятеро детей – все умерли или погибли; год назад она пришла жить в Кузин к сестре, но ту тоже убили дружки, Айгуль, однако, нашла работу в швейной мастерской, так что не бедствует. Клиентка рассказала ей про ГСО, и вот она решила, что надо поучаствовать, да и научиться оружием владеть, потому что жить очень уж страшно.

В ГСО, кстати, многие приходят, чтобы научиться драться, оружием владеть, вот из этих соображений... хорошо, если потом хотя бы в патрули ходят.

Айгуль себе уже выбрала позывной – Леди.

Маленькой девочке с косичками было шестнадцать, на два года моложе меня. Звали ее Настя, и она охотно согласилась называться Вегой, это звезда такая.

Потом я повернулась к девочке с медовыми волосами.

– Кажись, я тебя уже видела где-то.

Та пожала плечами.

– Может быть. Я тоже на заводе работала.

– А в каком цеху?

Светка, так ее звали, вкалывала в формовочном. Ей оказалось уже двадцать лет, и четыре она отрубила на заводе, но несколько месяцев назад с ней, как и со мной, случилась беда. Только попала она не лесникам, а местной городской дружине, и провела у них два месяца. А потом сбежала, и тут ей помогли ребята из ГСО, спрятали, помогли жилье найти в другом районе. Всех родных у Светы тоже убили.

– А позывной я себе уже придумала, – сказала она, – Чума. Можно?

– Можно, конечно, – сказала я, – хотя необычно как-то. Почему Чума?

Глаза ее сузились.

– Чума смертельная болезнь, – пояснила она, – я убивать хочу гадов. Для этого я здесь.

Видно, здорово ей там досталось, в дружине-то. Ясно, для чего они молоденьких девок в живых оставляют.

– Ладно, – сказала я, – вот и познакомились. Значит – Чума, Леди, Вега, Мерлин. Сегодня проведем небольшую тренировку на местности. Оружия вам пока не выдали, да и не надо. Пошли потихоньку.

По пути мы шли свободно и разговаривали. Может, конечно, стоило их сразу учить передвигаться в группе и все такое – но я думаю, важно и чтобы мы просто немного познакомились. По-моему, это помогает. Если ты человека знаешь, доверяешь ему – то и сработанность группы намного выше.

– Я думала, – сказала Айгуль, – тут мужчины одни. Стеснялась даже идти. Но мне клиентка сказала, что мол, ничего, там женщин много. А мужиков-то смотрю, нет совсем.

– Так мужики-то где? – усмехнулась я, – на заводе вон тоже большей частью девки, деды и пацаны работают. Мужики давно все либо в дружинах, либо в лесу, либо в охране. Ну среди копарей еще мужики бывают.

– Мой батя тоже на заводе работал, – возразил Мерлин. Я задумалась. В самом деле, нельзя сказать, что мужчин в городе нет. Вон у нас в доме живут рабочие, взрослые мужчины. Да и в ГСО... Рэмбо вон есть, Злой, Крот, Чингиз. Правда, Крот инвалид контуженный, и лучевая у него была. А Злой в ГСО с четырнадцати лет.

Но все-таки мало мужчин. И это понятно. Вначале их в войну перебило много. Ну понятно, в войну и мирняка много перебило, но многих мужиков сразу забрали в армию, а оттуда вообще мало кто вернулся. Вот и мой отец где-то там пропал, наверное. Хотя и до войны он с нами уже не жил, да и не помню я его.

На завод мужчин охотнее берут. Но еще у них есть возможность устроиться в охрану, в Новограде вон всех здоровых мужчин с руками-ногами берут тут же. И платят им не то, что заводским. А если не в охрану, то куда проще в дружину пойти – лучше шестеркой у Горбатого или еще кого походить, чем работать. Жратва у них есть, самогона – залейся.

А женщину в дружину только с одной целью могут взять. Понятно, с какой. Нет уж, спасибо, пешком постоим. Пацаны пока малы еще, их тоже не возьмут никуда.

Бабе податься вообще особенно некуда. На завод, и то нас берут меньше, чем мужиков. В охрану – и думать нечего, даже баб с боевым опытом не принимают.

А Ворон – тот всех берет. И не зря, между прочим. Не, ну конечно, из мужика боец все равно лучше, он и тяжести лучше таскает, и в технике соображает. И вообще как-то... надежнее, что ли.

Но и наше бабское войско не так уж плохо действует, если разобраться. Дружины нас реально боятся.

Я спросила, кто из ребят в школу к Семенову ходил. Оказывается, все. Но Мерлин ходил недолго, да и вообще ленился, так что мало чего там выучил. А Чума оказалась прямо как я, тоже книги любит. Да и у Палыча пять лет занималась, и как видно, старательно.

Так за разговорами мы дошли до окраины. И тут я свой маленький отряд построила и объявила.

– А сейчас начнем обучение.

На самом деле научиться стрелять, с оружием обращаться – это раз плюнуть. Ничего сложного нет. И они на общих занятиях так и так научатся. Важнее вообще понимать местность, уметь ходить правильно, ориентироваться, соображать, что к чему.

Так что я объявила моему отделению, что сейчас будем учиться работать на местности.

– Кто скажет, где сейчас север?

Они стали оглядываться по сторонам, только Айгуль-Леди молча на меня смотрела. Чего ты, мол, глупости всякие несешь.

– Там, – ткнула в небо Чума. В сторону зюд-зюд-веста.

– Еще версии есть? Нету? Ну так вот. Север мы определяем по солнцу. Мерлин, где у нас солнце встает?

– На востоке, – буркнул он.

– Угу, а садится на западе. Значит, если на север встать лицом, с правой стороны будет восток, а с левой – запад. Понятно?

– А юг сзади, – пискнула Вега, качнув косичками.

– Значит, когда солнце прямо утром встает, то где север? Леди?

Айгуль, видно, не хотелось глупостями заниматься, но она выдавила из себя.

– Ну... тут. На левую сторону от восхода.

– Правильно! Хорошо соображаешь. А потом солнце у нас описывает круг по небу. В полдень оно – в самой высокой точке. Потом едет на запад. Вот сейчас оно где? Правильно. Так вот, чтобы север найти, надо просто к солнцу левой стороной встать... – они закрутились, и я поспешно добавила, – вставать не обязательно! Можно мысленно представить.

– А можно просто компас взять, – тихо буркнула Чума.

– Можно, – согласилась я, – но компаса сейчас нет. У нас вообще со снаряжением так себе. Привыкайте к тому, что есть. Если солнце высоко, понять стороны света трудно, но есть еще и другие способы.

Я объяснила, как определить стороны света по тени от вертикального предмета – палки, например. Это довольно долго, на случай, если сильно заблудишься: надо подождать минут пятнадцать, отмечая тень, и более короткая при этом будет показывать на север. Потом я рассказала, как определять по часам с циферблатом. Часы у нас иногда бывают старые. Старья вокруг хватает.

Потом погоняла их немного по местности. На горку забежали – Леди и Вега сразу сдохли. А Мерлин и Чума ничего, за мной держатся. Хотя и я уже форму подрастеряла за два-то года.

Я объяснила насчет тактических преимуществ высокого положения, показала немного, как оборону вести с горы. Потом мы еще побегали. Два наших слабых звена отстали, я велела Чуме и Мерлину самостоятельно бежать на базу, а сама пошла подгонять отстающих, чтобы они на шаг не переходили. Периодически приходилось снимать АК с плеча и подталкивать прикладом. Но мы все-таки с грехом пополам добежали. Пока прощались, было у меня стойкое ощущение, что завтра девушки больше не придут.

Но что сделаешь? Слабые быстро гибнут. Не придут – может, так для них и лучше.

Бабу Яру понять мне сложно. Вроде бы она и хороший человек. Мне вот помогает иногда. Не злая. Но что-то мешает, что-то в ней не так. Или я придираюсь?

Свободного времени у нее на работе много, тем более, с моей помощью. Я, когда прихожу – мою, убираю склад, ящики переставляю, как она скажет, все в компьютер заношу. И на раздаче стою, когда особенный наплыв бывает. Большинство цехов, как вот и наш, сборочный, в две смены работает – 12 часов днем, 12 ночью. Ха, это только считается так, на самом деле я вкалывала как минимум по 14, ведь ночью народу меньше, на моем месте вообще никто не стоит, так что пока вагонетки подготовишь на утро, еще 2—3 часа проходит.

После смены вечером особенный наплыв, все хотят продукты взять. Но я к этому времени обычно ухожу.

А днем часто никого и нету. Я убираю-раскладываю спокойно, баб Яра сидит, книжку читает какую-нибудь. Книжек у нее много, названия в основном непонятные.

Но иногда у нее возникает желание со мной поговорить.

Говорит она свысока, оно и понятно – начальница, но дело даже не в этом. Как-то так разговаривает, как будто я к другому виду принадлежу. Вроде бы и жалеет меня, но она – человек, а я, например, кошка говорящая. Но голос ее звучит при этом ласково. Не знаю, может, я слишком чувствительная, капризная? Радоваться надо, что начальница на тебя внимание обращает и не ругается.

– Мария, – она меня всегда почему-то Марией называет, – а ты читать где научилась? В школе?

– Не, я до войны еще, сама. Я маленькая еще была.

Она смотрит непонятно и бормочет.

– Последнее поколение грамотных. Деградация. Впрочем, элита останется. Может быть, так и правильное будет.

– Думаете, все деградирует, раз из моего поколения мало кто грамотный? – спрашиваю я. Пусть не воображает, что я ее не понимаю. Баба Яра фыркает.

– Ясно одно, – говорит она, – ничто уже не будет по-прежнему. Мировой порядок изменился. Мария, а ты не хочешь со мной как-нибудь в Новоград сходить?

Я чуть не подскакиваю. Вот это новость!

– А вы что – ходите в Новоград?

– Я учитель, – говорит она, – на складе так, подрабатываю. Видишь ли, обеспеченные люди о будущем своих детей, к счастью, задумываются. Я ведь филолог по образованию. Учю русскому, английскому.

Видно, думаю я, платят там не так много, раз тебе все равно на складе приходится впахивать.

– Если хочешь, могу тебя взять как-нибудь, – и улыбается мне приветливо, – если, конечно, ты будешь там вести себя прилично.

– Конечно, – говорю я осторожно, – хотелось бы.

– Образованных людей мало осталось, – говорит она, – хороших педагогов ищут.

Я вспоминаю об Иволге. Она сняла угол у одного куркуля, и работу вроде нашла – но небольшую, тоже на четверть ставки. В лаборатории заводской – анализы какие-то делать. Могла бы, наверное, более серьезное место отыскать, но ведь Иволга всерьез занялась ГСО. Вместо того, чтобы о выживании думать, как все нормальные люди.

– А биолог там не нужен? Профессиональный.

– Спрошу, – Яра глядит с интересом, – А откуда ты знаешь профессиональных биологов?

– А у нас баба одна пришла в ГСО. Военная. Но по образованию была биологом до войны.

– Вот как, – начальница поудобнее устраивает протез на полу, – что же, спрошу. Может быть, и биолог пригодится. А тебе бы, Мария, не стрелять надо учиться, а школьные предметы изучать. Подумай о своем будущем! Война закончилась, это уже очевидно. Дальше будут строить, созидать. Появятся университеты. Богатых родителей у тебя нет, единственный шанс в жизни – получить хорошее образование. Станешь, например, врачом – врачи всегда нужны. Подумай о моих словах, Мария!

Я хмыкаю. Как будто я против – учиться! Если бы время было и возможности... А то ведь, кроме работы и ГСО, практически все время бытом занято, поисками еды. И не будешь крутиться – зиму не переживешь. Достаточно я поголодала, чтобы это как следует запомнить.

Да и где учиться? У Палыча уже я все усвоила, что его школа дает – там по 40, по 50 человек сидит, и все в основном читают с трудом. Не будет же он со мной отдельно заниматься.

Нет, странная она, эта баба Яра. Не знаю, чего ей от меня надо.

– Баб Яр, где мне учиться-то? Школы-то нет.

– Читай книги! Да, электронных приборов не достать, а бумагу давно сожгли на растопку, но если поискать – книги найти еще можно. Я же нахожу. Можно выменять, если знать, где.

Она стряхивает пепел в жестяное ведро-мусорку.

– И не называй меня бабой Ярой. Какая я тебе баба? Мне пятидесяти нет. Меня Ярославой зовут.

Возвращаюсь домой в темноте, но теперь это не так страшно. Ведь идти через город. У самой Комсомольской Площади мне патруль ГСО попался. Все новые – в лицо я ребят знаю, а так – нет. Отсалютовали друг другу и разошлись. Я пошла через темную площадь, асфальт наполовину выкорчеван, дома разрушены с одной стороны – а с другой постамент какой-то большой, там статуя была, а теперь ее снесло. А вот в Ленинском на площади, там один памятник сохранился, кстати. Я размышляла о том, что теперь с печкой делать. Скоро уж октябрь, надо будет топить. Купить буржуйку на барахолке можно, не вопрос, но у меня ни талонов, ни чего-то ценного нет. Прямо отчаяние иногда подступает, как подумаешь, как выживать дальше. И главное, обидно, ведь у нас с матерью уже все было, налаженное хозяйство, и печка была хорошая, каменную собрали за несколько бутылок самогона; мебель была уже, запасы в погребе. Ну хорошо, еды все равно не хватало, но хоть хозяйство собрали. И вот – все, пришли какие-то сволочи, которые ни дня не работали, и отобрали. И теперь как хочешь, так и выживай. Причем соберешь все снова – и придут дружинники, собаку убьют, дверь вышибут,

им трудно, что ли, и опять на колу мочало – начинай с начала. Еще скажи спасибо, что в живых оставили. Обидно до ужаса.

Но отчаянию и обидам предаваться нельзя, сдохнешь. Надо думать, как жить. Подходя к дому, я уже в голове решение выстроила. Раз нельзя достать нормальную железную печку, остается что-то самой собрать. Очаг из камня. Маразм это, конечно, но у нас одну зиму был такой очаг, и ничего, пережили. А теперь ведь и зимы вполне сносные, терпеть можно. Надо только знать, как собирать, а я не знаю. В нашем доме печник один живет, берет только дорого. А можно в ГСО поспрашивать, кто-то из стариков вполне может помочь.

С этими мыслями я вошла в подъезд, освещенный полной луной через прореху в крыше и стене. Кара сверху зарычала.

– Ну тихо, тихо! Это я!

Собачий силуэт наверху, в лунном свете, вильнул хвостом и исчез. Я поднялась на свой этаж и тут же рефлекторно прижалась к стене и выхватила «Удав». В следующую секунду поняла, что зря, и пистолет опустила.

Это была очень маленькая фигурка. Ребенок. У нас в доме детей много, в лицо я их, конечно, не узнавала. Этот – не понять даже, девочка или мальчик – сидел, скрючившись, на ступеньке, прижавшись к стене.

– Ты чего тут сидишь? – спросила я. Ответа не было. Ну вот зачем я с ним заговорила? Я домой хочу, хлеба пожрать и отдохнуть уже.

Я подошла к малышу, присела на корточки.

– Ну? Чего сидишь-то тут?

– Мама не пришла, – из глазенок полились слезы, – дядя пришел... сказал, что если я домой... то они меня съедят.

Оно всхлипнуло.

– Ну-ка тихо! – велела я, – тебя как зовут?

– Дана, – прошептало оно, и я поняла, что это девочка.

Путем несложного допроса мне удалось выяснить следующее. Дана восемь лет. Она жила тут на третьем этаже с мамой. Вчера мама ушла за червями и велела дочке сидеть дома.

Но вечером она не вернулась. Дана послушно сидела дома всю ночь, хотя ей было очень страшно, и весь сегодняшний день. Мама так и не пришла, а вместо нее явился незнакомый дядя с какой-то девицей, взял Дану за шкурку и пинком выкинул на лестницу. Пообещав убить и съесть, если она вернется.

– Горе мое, – пробормотала я, – ну пошли ко мне, что ли.

Дома я нарезала червей, поделила хлеб на две половинки, которые вышли очень маленькими. Червей пришлось резать больше, чем я планировала. Дана с удовольствием налегла на еду. Я смотрела на нее с некоторым сомнением. Она была рыженькая, большеглазая и очень мелкая, я бы дала ей лет пять-шесть. Впрочем, у них же все поколение такое, мелкое и болезненное. Совсем другое, чем наше. Это я еще видела довоенную жизнь. Конечно, и тогда особой нежности от матери не было, кроме поджопников. Но я помню блины, помню маленькие шоколадки «Аленка», блики солнца в чистых лужах после дождя, детскую площадку с разноцветными качелями и лесенками. Помню, как мы играли во дворе, пупсиками хвастались. Хотя подробности уже забылись. А эта Дана... странное имя. Она вообще ничего не помнит, для нее вот так, как сейчас, было всегда.

Ну и вот зачем я ее притащила? Что я буду с ней делать? Мне одной-то не выжить зимой. Конечно, может быть, ее мать вернется. Но судя по тому, что пришел «дядя» – видимо, нет. Так бывает. Нужна хата – хозяев выследят, убьют и занимают.

Да и кто так делает вообще? Она мне чужая, никто. Куда я ее теперь дену? В сущности, я ее взяла просто потому, что на лестнице оставить невозможно. Это как – я буду жрать, спать, и знать при этом, что там на лестнице маленькая сипилевка сидит и плачет голодная, и скоро

помрет? Нет, конечно, это дело обычное, и я много такого видела, когда дети копыта отбрасывают. Но вот так, когда это прямо на твоей лестнице – как-то не по себе.

Ну а теперь как выгнать? Еще труднее.

– У тебя родные есть, кроме матери? – спросила я, – бабушка? Отец, может? Тетки?

– Я не знаю, – грязное личико с разводами слез уставилось на меня.

– Никого не знаешь? Не видела никогда?

Девочка молча покачала головой. Я вдруг сообразила, кто была ее мать – тихая, маленькая женщина сверху. Такая незаметная, я с ней, кажется, ни разу даже парой слов не перекинулась.

– Ладно, давай спать ложиться. Утро вечера мудренее, – выдала я бабушкину мудрость. Дана заснула сразу же, а я долго ворочалась на тряпках.

Во мне вдруг проснулась мать. Все-таки привыкла я ее слушаться. Не из-за тумачков, я уже четыре года как могла сдачи дать и не боялась. Но привыкла, что мать лучше разбирается в жизни, больше знает, и без нее мы пропадем. Хотя если разобраться – чего она там лучше знала? Огород решила посадить... толку было с того огорода?

И вот теперь мать будто смотрела на меня и говорила укоризненно:

«Ну вот я всегда же говорила, что ты дура, дура набитая! Ходишь в это ГСО... О себе надо думать! Ты девочка! Тебе надо не ружьем махать, а вон замуж могла бы выйти за нормального мужчину. За охранника, например. Вон Люська вышла, и смотри, живет в Новограде, двоих детей родила, все здоровые, питаются хорошо. А ты? Идиотка. И теперь еще притащила девку сюда. Как же, помрет ведь ребенок! Тебе уже пора спуститься с небес на землю и жить в реальном мире, доча! Тебе-то какое дело до этой девки? Почему ты за всех должна отдуваться и обо всех думать? Дура ты, просто дура – и все! Думаешь, ты такая добренькая? А нет! Ты просто идиотка, вот и все, я всегда говорила, что ты идиотка и с этого помрешь. Вот как меня не станет – так и ты сразу помрешь. Давай, давай все раздадим! Все людям раздадим, последнее – и будем сидеть лапу сосать, пока не сдохнем обе!»

И главное, я понимала, что мать права, и я – набитая дура. Отдавать надо, когда у тебя ресурсов много. А мне самой на зиму не хватит, я сама, может, не выживу. Даже вот сейчас хлеб этот несчастный делить так тошно было, так хотелось уже сожрать этот кусок... а ведь так будет всегда теперь. Ну ладно, если надо – то я могу. Я всегда могу, если надо. Но ведь получается, что не надо. Что неправильно это. Только те выживают, кто умеет быть жестким. Мне своего ребенка надо родить еще и вырастить. А я эту девку притащила.

И в то же время я не знала, как ее теперь выставить. Вот как? Надо быть жесткой, да. Надо встать завтра с утра и сказать – ну вот что, дорогая, вон дверь, вон лестница. Иди ищи своих родных, а я тебе никто.

А я не жесткая, я дура какая-то слабая.

Вот Ворон или Иволга – они жесткие. Правильные, настоящие люди.

Но блин, поняла я – они бы не выгнали девчонку на улицу.

Эта мысль так меня удивила, что я широко открыла глаза. Вгляделась в темноту – сегодня была ясная ночь, и редкая гостья – Луна горела в окне.

И так у меня с одной стороны голосила мать – про выживание, про дурость и все такое. А с другой стороны молча стоял Ворон. Даже ничего не говорил, просто так стоял там, с дагестанским кинжалом на ремне, с гауссовкой своей через плечо. А в середине как будто стояла я с Даной, и ручонка у нее была такая маленькая и слабо, вяло держалась в моей ладони. И так, с этой картинкой в голове, я наконец заснула.

Чума и Мерлин делали у меня успехи, Леди отставала по физической подготовке, все же сказывался возраст, а в остальном тоже работала хорошо. И только Настюха-Вега оказалась

слабенькой, ошиблась я, ведь иногда такие вот маленькие юркие девчонки бывают отличными разведчицами или снайпершами. Но Вега и стреляла так себе, из «Удава» средненько, а автомат ей было держать тяжело. И соображала плоховато. Ну ничего, как говорит Ворон – не умеешь – научим, не хочешь – заставим. Вега по крайней мере старалась, ничего не скажешь.

В середине октября мои ребята, кроме Веги, сдали первый зачет. Настюхе придется еще поготовиться. Остальным разрешили ходить в патрули. В первый патруль распределили меня с Чумой и Мерлином, в Ленинский район – тьмутаракань, опасные места.

Я не очень хорошо знаю Ленинский. До ГСО там, почитай, никогда и не бывала. Основные вехи мне знакомы – Площадь, Больница, но по большей части Ленинка состояла раньше из похожих друг на друга микрорайонов, даже теперь еще видна эта планировка; если смотреть сверху (мы как-то с беспилотника снимали) – груды щебня и обломков лежат аккуратно, квадратами. Мы пробирались среди этих гор. Здесь мало кто живет. Лишь впереди высился гигантский остов дома, почему-то он сохранился, единственный. Не дом – целый домище, башня. Если посчитать – этажей точно больше десяти будет, хотя верхние развалены. В сумерках остов выглядел зловеще.

– Это что – дом? – Мерлин остановился, задрал голову и раскрыв рот.

– А ты как думал? Конечно. Здесь все такие дома стояли, квадратами, вот так, – я показала, – И не задерживайся, пошли!

– Как же они наверх-то лазили? – удивился Мерлин, – В мирное время?

– Дурак ты, что ли? – обернулась Чума, – У них лифты были.

– А-а, точно, – Мерлин споткнулся о длинную железную проволоку и выматерился. Я открыла рот, чтобы объяснить ему, что проволока может оказаться и растяжкой, но тут впереди что-то подозрительно шелестнуло. Я замерла, подав ребятам знак стоять тихо.

Вряд ли там что-то опасное, но АК я с предохранителя сняла. Сделала несколько бесшумных шагов вперед, поводя стволом. Прижалась к торчащей вверх бетонной плите, заглянула за нее.

Вроде ничего особенного – копнушка. Многие так живут. В лесу можно землянку выкопать, а в городе делают копнушку в гряде обломков, надо только место хорошее найти, иногда части стен внизу сохранились, фундамент, подвалы. Иногда это почти готовая хижина, только вход освободить и укрепить, ну и какое-то подобие двери навесить. Без замков у нас нельзя. Здесь дверь была крепкая, железная и открыта наполовину. И там, внутри, творилось нехорошее. Голоса раздавались – грубые, мужские, а потом женский писк. Гремело что-то.

Можно, конечно, пройти мимо, но для чего мы в патрули-то ходим?

Ползком по стене я протиснулась к окошку – оно было не закрыто ничем, просто для света дырку оставили. Заглянула внутрь осторожно.

Трое. Трое дружинников, как видно, пришли пошарить, расшвыряли всю ломаную мебель. Какие-то обломки, бумажки по всему полу были раскиданы, мужики весело гоготали. Две женщины сидели в углу, на древнем диване, вжавшись в стену, смотрели на происходящее с ужасом. У одной руки были связаны, вторая, совсем старая, до того перепугалась, что чуть ли не в стену вросла.

Картина ясна. Я осмотрела местность вокруг копнушки: дружки, как всегда, идиоты, и охрану не подумали поставить. Впрочем, им здесь бояться некого, так они думают. Пришли кур пощипать.

Я вернулась к своим. Коротко обрисовала ситуацию.

– Чума, ты со мной, Мер, стоишь на дверях в карауле. Всех выпускать, никого не впускать, самому не светиться.

Переключатель АКМ я сдвинула на гранатомет. Мы подкрались к дверям, я заглянула – внутри никаких изменений. Прицелившись в самый дальний угол от женщин, я нажала на спуск. От грохота даже мы слегка присели. И тут же я нырнула в хижину, Чума за мной.

Я все-таки целилась гранатой не в дружков, а так, в белый свет, лишь бы не попасть в женщин. Поэтому один из бандитов еще стоял – вернее, сразу отпрыгнул к стене, поднимая ствол. Пока я переключала АК обратно, Чума успела дать очередь, и в ту же секунду раздалась ответка, и что-то мощно и больно толкнуло меня в грудь, в броню. Пока я падала за ближний угол, под защиту стола, и Чума тоже искала укрытие за мебелью, дружок, видно, в отчаянии, рванулся вперед. Я увидела поднятый ствол Чумы и крикнула:

– Не стреляй!

И вдогонку удирающему дружку:

– Помни ГСО, гад!

Мерлину я велела всех выпускать, так что шансы уйти у дружка были. В этот момент один из лежащих на полу дотянулся-таки до своего карабина, но Чума среагировала быстрее меня – грохот, и раненый бессильно уронил голову с развороченной лобной частью.

Третий дружок был разорван гранатой чуть не в куски. На него даже смотреть было противно.

Я встала. Подошла к женщинам. Вынула нож, и бабы мелко задрожали в ужасе.

– Руки давай! – велела я и разрезала веревку на руках той, что помоложе, и видно, как-то сопротивлялась.

– Мы из ГСО, бояться не надо, – добавила я, – на вашем месте я бы на пару недель ушла из этого дома. Дружки могут снова явиться, а мы охрану поставить не можем.

– С-с-ппа- сибо, – выдавила более молодая из женщин.

– Не за что, – усмехнулась я. Какое тут спасибо... Я повернулась к Чуме. Та была совершенно спокойна, молодец, я так и знала, что из нее толк выйдет. Стояла посреди комнаты, держа в руке какую-то бумагу.

– Глянь, Маус, какая фигня тут у них, – она хотела продолжать, но я мотнула головой.

– Уходим! Нечего здесь торчать.

– Возьмите с собой, – неожиданно заговорила старуха. Я в удивлении уставилась на нее.

– Возьмите листовку с собой, почитайте... и приходите к нам. Это спасение! Вы же хотите спастись?

Она вскочила, подобрала еще одну бумажку и стала совать мне. Я взяла и положила листовку в карман – некогда спорить.

– Уходим, Чума, – повторила я. И тут мой взгляд упал на убитого. Не гранатой, а пулей в лоб. Он лежал, широко раскинув ноги в армейских берцах. И кстати, мужик небольшого роста, хилый довольно.

– Подожди! – я кинулась к убитому дружку. Да, противно, мерзость. И вообще преступление даже, мародерство. Но сдохнуть зимой без обуви – еще хуже. Вскоре берцы, связанные за шнурки, болтались у меня через шею. Заодно я прихватила оба ствола и несколько рожков к ним, больше ничего интересного у дружков не нашлось.

– Собирайте вещи и уходите как можно скорее. Они могут прийти снова, – кинула я через плечо, и мы вышли. Думаю, бабы и сами догадались бы свалить отсюда.

Я выбрала хорошее укрытие за крупным бетонным блоком, и мы засели там. Может быть, что дружки в ближайшие час или два вернутся, и тогда все пойдет прахом. Конечно, надо бы дальше район патрулировать, но мы сегодня и так сделали что смогли.

Лучше дать возможность спасенным спокойно уйти.

Чума так и была спокойной, как слон. Лицо такое довольное даже, расслабленное. А вот Мерлин вспотел, и глаза его блестели.

– Мы их завалили, – вдруг сказала Чума с заметным удовлетворением. Я кивнула.

– А зачем ты отпустила третьего? Эту сволочь...

Она не договорила, но я ее поняла – эту сволочь надо уничтожить, и чем больше, тем лучше.

– Чтобы сообщил своим, что ГСО действует.

– Но разве он не приведет своих сюда еще раз?

– Дружки бы все равно снова наведались. Может, через несколько часов. Если кто-то пошел – и не вернулся, они бы проверили. Конечно, если путевая дружина, а если так, мелкая банда, то они ни в каком случае больше не придут. А вот насчет того, чтобы про ГСО слухи распространять – это приказ Ворона.

– А-а, – протянула Чума.

– Я хотел того пристрелить, ну которого вы отпустили, – сказал Мерлин, – прям сильно хотел.

– Ну и правильно, приказы надо выполнять, – кивнула я, – правильно, что не стрелял.

Мерлин промолчал и отвернулся. Я взглянула на его лицо, с коротким, слегка вздернутым носом. Вот у меня нос на конце – как картошка, я бы такой вот хотела, маленький, аккуратный. Светлые глаза Мерлина блестели в сумерках.

– У тебя родителей дружинники убили? – спросила я вдруг. Мы на личные темы редко набредаем.

– Не-а. Мамка давно померла, болела. А папку убили охранники.

– Как? – удивилась я.

– Да поругался он. Мне потом рассказывали. Менеджер ему ползарплаты штраф навесил, а батя же еще меня с бабушкой кормить. У нас есть-то нечего было. Даже не знаю, за что штраф, говорят, не по делу совсем. Ну папка с ним поругался. Слово за слово, батя ему в морду и дал. А тут охрана. Мне тогда двенадцать лет было.

– Что эта охрана, что дружинники – в принципе, все одно, – мрачно буркнула Чума. Я задумалась. В общем-то, конечно, разницы никакой. Платят охрану нормально, так что грабить они не грабят. Но вот с завода уходить по вечерам мы, девчонки, старались вместе. Потому что известно – одна пойдешь, а эти еще и нагонят. Некоторые, правда, наоборот специально за охраной бегали, ведь это перспектива – женится, будешь в сытости жить. Да только мало кто такой счастливый билет вытягивает. В основном они ведь поматросят и бросят, еще и с брюхом.

Я повернулась, и в кармане у меня что-то зашуршало. А, это их листовка. Я вытащила бумажку. Уже смеркалось, но буквы все еще были хорошо различимы.

«Церковь Блаженства

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

⁸*Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью,⁹ и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла.*

¹⁰*Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод.*

¹¹*Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки.*

¹²*Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была – так, как и ночи.*

Так сказано в священной книге Библии, брат, и тому мы были свидетелями. Пророчество Божие исполнилось! Град и огонь падали на землю, большая гора низверглась в море, и вода стала смертельной. Мы видели, как день и ночь смешались и не были светлы. Но еще не вострубили три других ангела, и еще ждут нас ужасные кары!

Ибо сказано:

Прочие же люди, которые не умерли от этих язв, не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить.

²¹*И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем.*

В наши дни не осталось сомнений в Слове Божьем. Но и сегодня не каются люди в делах рук своих! Но пока не вострубил Седьмой Ангел, у тебя есть еще время покаяться.

Пастыри лживые соблазняют тебя молиться Христу – но молятся они Антихристу. Христос же зовет всех в свой сад блаженства. Хочешь ли ты есть досыта изысканные яства, лежать на свежей траве и на мягких ложах, нежиться в объятиях любимых и близких? Христос – Дверь, ведущая к блаженству. Неужели оставшись грешником, ты предпочтешь страшные мучения от саранчи и еще более ужасную гибель? Просто шагни в дверь! Мы не требуем и не ждем от тебя ничего – мы предлагаем спасение, легкое и простое – приди же к нам, и мы поможем тебе в твоём отчаянии, в твоём горе, в твоей безысходности. Улыбки и счастье, благоденствие и сытость ждут тебя!»

И еще полстраницы было исписано подобной белибердой. А внизу указано, как найти пресловутую Церковь Блаженства. Они располагались как раз тут в Ленинском, в Больнице. Я сунула листовку обратно в карман. Уже смеркаться начало.

Внизу у копушки возились хозяйки квартиры – они сложили пожитки на большую тачку – молодцы, заранее озаботились такой вещью. И уходят оперативно.

– Что это за Церковь Блаженства? – поинтересовалась Чума. Я пожала плечами.

– Хрен знает.

Церквей и прочих сект я видела уже немерено. К Семенову в школу иногда приходил православный священник. Молодой поп с рыжей бородой. Надо отдать должное, такой белиберды он не нес. Хотя как-то тоже про Откровение этого Иоанна рассказывал. Надо же, видно, этот Иоанн и правда что-то там прозревал про будущее. Но вот так прямо поп не связывал эти пророчества с нашим временем. Он все больше про душу, про грехи рассказывал, про соединение с Богом в любви и все такое прочее.

Я даже как-то сходила с ребятами в церковь в нашем Центральном районе. Там очень хорошо было, красиво внутри, все стены облеплены блестящей фольгой, две иконы старинные висели. И дух такой благостный внутри, как будто успокоение на тебя находит. Стресс снимает. Но что мне не понравилось – со всех обязательно пожертвование требовали. У меня талонов тогда не было, так я сухарь отдала. Не, ну понятно, им на что-то жить надо. Но все равно неприятно.

А еще я разных видела – кришнаиты, например, у нас недалеко жили, еще какие-то баптисты, тоже брошюрками размахивали. Был йог, так он даже в ГСО явился проповедовать. Одна сектантка мне Библию подарила просто так. Еще некая христианская группа вроде детский приют организовала, но дети оттуда разбегались, как только возможность была. Короче говоря, сект этих и религий у нас в одном только Кузине столько развелось, что уже шагу не ступишь, чтобы в какое-нибудь спасение не вляпаться. Непонятно даже, чего мы все до сих пор такие неспасенные ходим.

Сектантки, между тем, уже собрались, барахлишко свое пленкой накрыли, молодая впряглась в тачку, и пошли они по направлению к Больнице. Наверное, в своей церкви защиты искать – тоже, в общем, верно.

– Все, уходим! – я поднялась, – продолжаем патрулирование! За мной.

4

Зима между тем надвигалась стремительно. В Кузине появились желтые, сухие листья – их несло ветром с лесной стороны. Раньше, судя по фотографиям, в городе тоже было много деревьев, а теперь они разве что в Парке сохранились, ну может, еще в Дождеве. Но самое ужасное – холод. Зима – время выживания. Не то дело летом – там и с голоду не умрешь, трав много, грибы идут, ягоды, можно у копарей воровать, если умеючи. Опять же, жуков много, червей. Некоторые рискуют рыбу ловить, я – нет. И об одежде меньше надо думать, и о тепле. А вот зимой... после зимы, как снег оттает, по улицам много мертвяков лежит. После войны, бывало, вообще на каждом шагу, но и теперь еще попадаются. Идем, помню, в апреле, мать мне на каждый труп показывает и что-нибудь назидательное говорит, мол, не хочешь так лежать – надо слушаться и делать, что тебе говорят. В глобальном смысле она была права, конечно.

Плохо, плохо осенью работу потерять. Но зимой было бы еще хуже. Так я за месяц хоть успела запас какой-то сделать – грибов насолела, червей. К тому же шесть талонов в неделю я продолжаю зарабатывать. Берцы у меня теперь есть, зимний камуфляж нашелся на складе у Ворона, все же ГСО не такая уж бесполезная штука, как мать думала. И проблема печки, что важно, решилась.

Дед-оружейник, позывной Сом, оказался еще и печником. Мы с ним поговорили, и за три талона (от сердца оторвала!) он сложил мне вполне приличный очаг, даже с трубой-вытяжкой (материалы я сама, конечно, разыскала). На оставшиеся три талона я взяла крупы, крупу варить выгоднее, чем есть хлеб – на дольше хватает.

Правда, теперь у меня была Дана. И она, черт возьми, несмотря на восемь лет, ела довольно много. Кажется, я начинаю понимать собственную мамашу!

Правда, Дана оказалась лапочкой. Мать ее так и не вернулась, конечно, но девочка вела себя идеально. Не рыдала, не истерила. Сидела дома спокойно, пока меня нет, даже на улицу поиграть выходила редко. Сделала себе из тряпочек и палочек какие-то куклы и играла с ними. Приду домой – а дома чисто, подметено, очаг затоплен, каша сварена, и сама она еду не трогала. Стирала даже свои шмоточки в корыте. Опять же, ходила со мной на заготовки и помогала таскать домой дрова и ветки – мы большую поленницу у стены сложили.

Еще оказалось, что Дана умеет читать, мать научила. Но из книг у меня были только два учебника (еще Библия была халявная, но я ее отдала одной верующей бабушке, мне-то зачем). Эти учебники Дана читала целыми днями. Дома, рассказывала она, у нее были детские книжки. И игрушки тоже. А ведь ее дом – всего пролетом выше. Разговаривать с налетчиком, который там теперь жил со шмарой, бесполезно. В смысле, я могу с «Удавом» прийти и поговорить – хотя и у него стопроцентно есть ствол. Но мне же потом жить здесь дальше.

Поэтому я выждала момент, когда бандита со шмарой не было дома – как-то вечером. На двери у них висел замок, пришлось его отстрелить. Кара залаяла, но больше на шум никто не выглянул, не принято это у нас. Дверь легко подалась, и я вошла в квартиру.

То ли Дана с матерью жили получше меня, то ли – что скорее – у бандита были средства квартиру укрепить, но здесь все выглядело отлично, прорех в стенах нет, окна стеклянные, даже мебель – страшненькая, конечно, но целая. Долго я разглядывать все это дело не стала, мне нужно было найти вещи Даны. Перерыла я обе комнаты, но ни игрушек, ни детских книг не нашла. И что еще обиднее – не нашла одежды для Даны, а это было сейчас самое существенное.

В компенсацию на кухне я ссыпала в мешок две буханки хлеба, пачку соли, несколько яблок (ничего себе!), пять банок тушенки и десяток – сгущенки. Вот у нас и лакомство появилось! Вечером мы с Даной устроили натуральный пир, хрустели яблоками, наворачивали кашу со сгущенкой. Надо было закатать фрукты в виде компота либо варенья, да ведь сахара у меня

нет. Поэтому яблоки мы просто съели в следующие дни. Совесть меня несколько не мучила. Конечно, красть нехорошо, но я же не воровала, а забрала законное имущество Даны.

Что по этому поводу думал бандит, я так и не узнала – откуда ему понять, кто ограбил квартиру.

Еще нужно было решить проблему одежды к зиме для Даны.

Я вспомнила, что Айгуль работает в швейной мастерской и спросила у нее насчет перешива одежды. У меня еще оставалась старая куртка, и ее вполне можно было переделать. Я и сама шить могу – но где я возьму иголки и нитки? Айгуль не только обещала их принести, но предложила сама переделать курточку. И не только перешила, но через несколько дней приволокла утепленные ватные штаны на ребенка.

– У нас обрезки остаются... я сшила, – пояснила она, застенчиво улыбаясь. Я смотрела на нее, и стало мне неловко – ведь я их прикладом гоняла...

Еще я смайстричила из ненужных тряпок смену трусиков и еще одно платишко для Даны. А то до сих пор ей приходилось стирать белье, когда очаг горел, а потом подвешивать над очагом и ходить голышом, пока не просохнет. У меня-то пара смен белья и вторая футболка уже имелись.

Но все равно оставалась проблема обуви.

Рабочие стали часто брать на складе одежду и обувь. Конечно, с неохотой – ведь вообще-то зарплаты только-только хватает на еду. Значит, если человек возьмет валенки или ватник – неделю придется поститься. Но что поделаешь, барахло тоже нужно.

На раздаче тоже работала я. Вообще когда я приходила, Яра предпочитала ничего больше не делать, ну разве что конторскими записями занималась иногда. А так – сидела читала свои книги с мудреными названиями, каждый раз – другую. И откуда у нее столько книг?

Я однажды спросила:

– А у вас нету каких-нибудь детских книг? Для ребенка лет восьми?

– А зачем тебе? – Яра взглянула на меня из-под очков.

Пришлось рассказывать. Мне было неловко – вот взяла обузу на свою шею и теперь еще к другим пристаю с просьбами.

– И она читать умеет? Это неплохо. Надо бы ей в школу ходить, ты об этом думала?

Может, и думала, но честно говоря, пока меня другие заботы мучили. Хотя Яра права, если обувь достану – надо будет девчонку в школу к Семенову отправить. Но не канючить же и валенки для Даны.

– Книги я тебе принесу, – пообещала Яра. И через день, когда я снова явилась на работу, бац – выложила целую стопку ярких раскрашенных книжек, еще – альбом и несколько цветных карандашей.

Дана книжкам, конечно, обрадовалась. И рисовать тут же стала в альбоме. На следующий день пришла я поздно – сначала занимались в Танке, потом до одиннадцати вечера патрулировали. Дана показала мне рисунки. Молодец, экономная – всего два листа изрисовала мелкими-мелкими картинками. Понимает, что бумагу достать не просто. Наверное, мать ей еще объяснила.

– Вот посмотри, – показывала она мне картинки, – это арта по городу стреляет, а дети бегут.

Нарисовано было не очень понятно, но после объяснений становилось видно. Действительно, дети куда-то бегут, волосы на голове дыбом стоят у них. Это одно время у нас были обстрелы по городу, когда китайцы с Ак-Ордой, то бишь с казахами схлестнулись. Одно время у нас тут казахи городом как бы владели. Но правда, для нас никакой разницы нет – что при русских, что при Орде, что при китайцах, все одинаково, никому до людей нет дела. Китайцы, правда, Завод старенький наш восстановили, но стало ли городу от этого лучше? Да в общем,

нет. До того у нас благотворительная раздача со складов бывала, а потом хозяева Завода все припасы забрали к себе.

Видно, Дана обстрелы запомнила, хотя очень маленькая тогда была.

– А это муты, – показала она следующий рисунок, – мама, папа и дети.

Папа был похож на помесь медведя и обезьяны и ходил на задних лапах. Мама – на оленях почему-то. Или козу, но тоже с лапами. А дети – кто во что горазд.

– А это боженька на облаках сидит, и к нему ангелы души уносят, – пояснила Дана следующую картинку. Ангелы напоминали плотоядных комаров с добычей в лапах.

– А ты в Бога веришь? – спросила я ее. Дана сказала, что да, и что она крещеная же. А я вот даже не знаю, может, мать меня и крестила в детстве. Да я все равно ни во что особо не верю, ну какой тут Бог? Ясно же, что никакой у нас тут не Апокалипсис, и не всадники там разные с ангелами, а просто война обыкновенная. Размолотили все к ядрене фене. Был бы Бог, все бы по-другому как-то было.

Но я Дану разубеждать не стала, это же хорошо, когда человек верит, сразу жить легче.

Еще Дана нарисовала принцессу с принцем, олигарха в замке и довоенную жизнь (там была семья с детьми). Все эти люди у нее сидели за накрытыми столами, и столы ломились от яств. Что конкретно за еда – на рисунке не разобрать, но Дана мне перечисляла с упоением: «А это каша! А это червяки запеченные. Сгущенка, целое ведро. Картошка. Яблоки. Грибы. Земляника. Мясо настоящее». Так по ее мнению питались все эти счастливые люди. Вообще мечты у нее были в основном какие-то гастрономические. В принципе, я ее понимаю, я иногда глаза закрываю перед сном и стараюсь вспомнить, что мы ели до войны. Блины вот помню, например, яичко всмятку. Вкус уже забылся, но помнится ощущение волшебства. Я Дане даже не рассказываю, чего зря душу травить? Она ведь даже представить не сможет.

Еще она нарисовала семью самолетов: самолет-папа – это бомбардировщик, конечно, большой такой, толстый. Самолет-мама и самолеты-дети. Они летали по всему миру, и самолеты-дети таскали в брюхо к папе разные опять же съестные продукты.

В общем, есть фантазия у девочки, ничего не скажешь.

С книжками хуже получилось. Она, конечно, тут же стала читать. Я тоже их почти все уже раньше прочитала. Но Дане многое в книжках было непонятно.

Про деньги – например, почему Буратино носился с золотыми монетами, – я еще как-то ей объяснила. Хотя сама не очень понимаю, что это такое.

– Ну понимаешь, это вроде талонов, раньше так было – но на эти талоны можно взять не только вещи на складе, а вообще что угодно. И складов было раньше очень много.

Сказки у нее пошли хорошо, только пришлось объяснять, что такое «пирожки», кто такие гуси и дракон («это такие муты, да?»), и почему царь не мог шарахнуть по дракону, например, из «Торнадо», и все проблемы были бы решены.

Дана в результате всего этого просекла, что я невероятно много знаю, ну с ее точки зрения, и стала просить меня по вечерам, если я не слишком поздно возвращалась, что-нибудь ей рассказать о довоенной жизни.

Я и рассказывала. Но по правде сказать, я сама так мало уже помню, что многое приходилось досочинять. Ну и ладно, главное – Дана была довольна.

Между тем момент нашего запланированного наступления пока откладывался.

Хотя командовал ГСО по-прежнему Ворон, но Иволга все время была с ним рядом. Честно говоря, оно и понятно, почему. Ворон – он классный, конечно, но никакого образования у него нет. Он просто воевал много. А Иволга аж целый капитан. Это по ее идее ГСО переформатировали. Иволга сказала, что в современной армии так тоже делают. Я командовала своим отделением из новичков – в основном пока что их обучала. И то же делали все старослужащие вроде меня.

Вообще учились мы теперь гораздо больше, практически все время, пока не были в патрулях. Откуда-то появились несколько беспилотников, и теперь ребята, шарящие в технике – в основном с завода или кто раньше по профессии техником был – учились ими управлять.

В начале ноября мы совершили налет на базу мелкой дружины Хана, это наша городская казахская мафия. Все оказалось довольно просто: атаковали с трех сторон, ворвались в расположение, дружки в основном сразу разбежались – не ожидали. Мои ребята приободрились, даже Настюха осмелела и, вроде бы, одного дружка сама застрелила из 22-го. В результате мы здорово пополнили арсенал, и даже получили два почти целых «ратника» с экзоскелетами. Классная вещь, надо сказать, но мало их. У охраны – и то мало. Все старослужащие по очереди тренировались бегать в «Ратнике», не так это просто, зато чувствуешь себя защищенной с головы до ног.

И быт ГСО стал улучшаться. Впервые появилось электричество. Ни у кого в городе электричества нет – только на заводе, ну и в Новограде, конечно. Но у нас есть электрики, и вот они запустили какую-то машинку в подвале. При ней, конечно, требовалось дежурство, зато учебные помещения озарились тусклым светом лампочек-груш, а во дворе повесили прожектор. Темнело теперь очень рано, так что свет был нам как нельзя более кстати.

И кое-что еще новое появилось. Вдруг Иволга предложила проводить общие собрания ГСО. Сначала никто не понимал, зачем. Но с другой стороны, ничего трудного ведь тоже нет – посидеть, послушать, как Иволга и Ворон распинаятся на трибуне в холодном, без окон, актовом зале, рассуждают про наши планы (не все, конечно, только открытые и всем известные), про учебу, про патрули, кто особо отличился, а чье отделение отстаёт. Скучновато немного, но почему бы и нет?

Однажды, было это числа 7-го или 8-го ноября, Иволга на таком собрании вдруг сказала.

– Я считаю, товарищи, – она почему-то всегда говорила «товарищи», не знаю уж, почему, – что мы организовали нашу жизнь в ГСО неверно. По сути все вы подвижники. Работа идет на голом энтузиазме. Вы многое отдаете, рискуете жизнью – и ничего не получаете взамен. А так быть не должно.

С этого момента я стала слушать внимательно. Не ожидала я такого от Иволги! А я-то наоборот ведь думала, что надо быть бескорыстными. Как она сама и Ворон. Разве они, с их способностями и образованием, опытом, не нашли бы приличного места на заводе? Даже в Новограде? А вместо этого возятся с нами, обучают, город патрулируют, людей спасают от дружков.

Но с другой стороны, Иволга права в том, что бескорыстных дураков мало. И не совсем уж мы бескорыстные, конечно... взять Чуму. Она просто одержима идеей убивать дружков, после того, что с ней сделали. Да и многие, как и я сама, если просто задумываются, как жить вообще, то понимают, что единственная сила, которая может как-то защитить нормальных людей – это ГСО.

И все равно большинство, даже здоровых мужиков, сидят по своим копнушкам и квартирам, надеются, что как-нибудь сами, как-нибудь пронесет.

– Предлагаю, – сказала Иволга, – открыть кассу взаимопомощи. Сделаем склад продуктов, одежды. Пополнять его будем, во-первых, трофеями. Во-вторых, может быть, назначим какие-то взносы, смотря по доходу – кто сколько может. Кто сухарей принесет, кто консервов. А выдавать со склада будем тем, кому совсем плохо. Вот я сейчас смотрела тренировку пятнадцатого отделения по рукопашной. Там минимум двое бойцов от голода с ног валяются. Это же стыд – если кто-то из наших товарищей, из самой ГСО, голодает! Или семьи их умирают от голода. Неужели мы все вместе не сможем друг друга поддержать?

Слова Иволги вызвали целую бурю. Кто орал громко, вскочив с места, а кто шептался друг с другом. Я только переглянулась с Чумой и ничего не сказала.

Идея, конечно, хорошая, заманчивая. Может, удалось бы даже питание наладить – чтобы каждый день на всех кашу варить или суп. Иногда в ГСО такой праздник бывает, вот например, после разгрома Хана.

Но что, например, я могу приносить в качестве взноса в кассу? Того, что я получаю, и того, что успела назаготавливать на зиму – хватает только-только на еду. И мне самой было бы маловато, а еще ведь и Дана есть. Рабочие, конечно, имеют побольше – ну так вокруг каждой работницы или работника кормятся еще пять человек безработных, так что едят они так же, как все. Есть, наверное, те, кто побогаче, но сколько их?

– Тихо! – крикнул Ворон, – Молчать!

И сразу все заткнулись. Привыкли слушаться.

– Говорить будем по одному! – распорядился Ворон и ткнул в кого-то пальцем, – вот ты начинай.

Поднялся Бес, известный своим склочным характером. Сначала он себе позывной выбрал красивый, английский – Дэвил. Но конечно, наши не будь дураки быстро все перевели и пере-крестили его в Беса. Бес был мужик здоровый, сильный, работал сначала на заводе, но оттуда его выгнали за дурной характер, и нигде он толком зацепиться не мог. У нас, правда, стал сержантом, командовал отделением, как я, да его отделение терпеть не могло, и результаты показывало плохие.

– Эт-та че получается? – заговорил Бес, – и тута еще побои будут? Это если я где чего заработал, надо сразу все отдать и, выходит, на всех делить? Не, я так не согласный!

Народ загудел, и по-моему, все в основном соглашались с Бесом. Но тут Ворон ткнул в Катю (это у нее позывной был – Катя, как на самом деле звали, никто и не знал), и она встала, невысокая сухая женщина в возрасте, одна из лучших снайперов.

– А я буду взносы делать! – сказала она не так уж громко, но все замолчали, – и правильно товарищ командир говорит! Как мы можем жить и воевать, когда у кого-то из нас дети умирают! У меня продуктов немного, дети все безработные. Но сколько смогу – я принесу! Хоть мешочек муки, хоть баночку рыбы. Я принесу! Надо вместе держаться, иначе пропадем!

Вскочила с места красивая Акула.

– А я не могу принести! У меня самой двое малышей и мать больная! За себя говори!

– А ты не помнишь, Акула, – тут же влезла башкирка Тара, – как тебе Ворон для ребенка антибиотик доставал? Загнулся бы ребенок-то твой!

Все снова загудели. Каждый припоминал подобные случаи. И в моей жизни такое было, хоть и по мелочи. Я тогда только в ГСО пришла, сопля тринадцатилетняя. И как-то в обморок на занятиях свалилась. Пришла в себя – Ворон рядом сидит и бульоном меня с ложечки кормит. Это бы еще ладно, для раненых мы еду и так откладываем, неприкосновенный запас. Но когда я из медчасти вышла, Ворон ко мне подошел и молча в руки мешок сунул. А в том мешке оказались две банки червей, мука, крупы немного. Нам с матерью на неделю хватило. А был май, как раз одуванчики вскоре полезли, крапива, лебеда, живность проснулась. Может, если бы не тот мешок – мы бы и не выжили в тот год.

– Я по-другому скажу, – встал Митяй, долговязый сухой мужик, сколько лет – не поймешь, может, тридцать, может, шестьдесят, – Взносы – ерунда. Нет у нас таких ресурсов личных, значит, чтобы еще взносы приносить. Оно, конечно, можно иногда, кому не жалко, но погоды оно не сделает. А вот касса нужна!

– А что же тогда, набегать делать? – крикнул кто-то. Это был явный абсурд. Во-первых, тяжело это, а во-вторых, превратимся в обычную банду дружков, пусть даже мы только дружины будем грабить, а не нормальных людей. Митай повернул голову.

– Нет! Зарабатывать надо! У нас оружие есть, че нам не заработать?

И тут же идею свою изложил. Никто так от бандитов не страдает, как копари. Даже не от дружков больше – а от лесников, те-то вообще страшилища лютые. И от мутов лесных.

Оружие у копарей имеется, да не просто охранять все поля и сараи. И в то же время у крестьян есть продукты, и платить они готовы, пусть и немного

– Отличная идея! – подняла голову Иволга, – надо нам ее продумать. С одной стороны, тут все хорошо: и продуктов заработаем, и людям поможем. С другой, есть подводные камни. У нас патрулей не хватает даже полгорода покрыть. И те районы, что мы покрываем – троек там недостаточно. А тут еще половину людей придется на охрану деревень направить...

Но народ уже шумел одобрительно. Всем идея Митяя понравилась. Иволга сказала.

– Давайте голосовать! Все знают, как это делается?

Оказывается, знали не все. Я тоже знала как-то смутно. Иволга объяснила. Те, кто за идею охранять копарей – пусть руки поднимут. Потом – те, кто против. Затем – те, кто сам не знает, против он или за. Как большинство решит – так оно и будет.

Стали поднимать руки. Ворон их считал и пару раз сбивался. Но сразу было очевидно – большинство за то, чтобы с копарями договор заключить, и продукты для себя зарабатывать.

Я вдруг представила, что каждый день в ГСО мы будем кашу есть или суп, и меня прямо радостное возбуждение охватило. А ведь вполне возможно! С каждым из нас по отдельности копарь разговаривать не станут, а вот вся ГСО – это сила.

– Хорошо! Тогда назначим ответственных, кто пойдет к копарям договариваться, – подытожила Иволга, – А теперь у нас следующий вопрос. Вопрос с формой. Зимних курток, штанов камуфляжных – всего не хватает! Мы у Хана взяли два десятка рулонов камуфляжа, да еще светлого городского, на зиму самое то. На подкладку ткань тоже есть. Проблема только сшить – машинок у нас, к сожалению, нет...

И вдруг я увидела, как рядом со мной тянет руку Леди. Такая маленькая, тихая, от нее вообще слова не услышишь.

– Да? – Иволга ткнула в нее пальцем.

– Я хочу сказать... я ведь в швейной мастерской работаю у Морозовой. Я могу поговорить...

И она пояснила – заказов сейчас мало. Если платить после набега есть чем, да партия оптовая, вполне возможно, Морозова и согласится пошить форму. А чтобы дешевле было, она, Леди, готова бесплатно поработать, платить придется только за оборудование.

Тут же проголосовали. Народ гудел. Всех охватило незнакомое счастливое чувство нового. Как будто все изменилось вокруг. Как будто мы – не каждый из нас по отдельности – а все мы сразу почувствовали себя всемогущими. Это было странное чувство, которого я до сих пор не испытывала. И честно говоря, не очень доверяла ему. Нет, приятно, конечно... но будет ли все это? Форма, пошитая на заказ, горячее питание каждый день. Этак к нам народ толпами повалит записываться! Только вот звучит все это как пустые мечты. Мать бы сказала – «размечтались, дурачки!» Весь мой предыдущий опыт протестовал. Оно и понятно, если задуматься, мы привыкли так жить, что каждый сам за себя. Каждый за выживание борется. Ну немного помочь можно, соседке там кусок хлеба дать. Бывает такое. Но чтобы люди вместе о чем-то договорились и вместе выживали... Все-таки Иволга хоть и хороший офицер, но немного на голову прибабахнутая.

С этой мыслью я выбралась за двери. И как раз оказалась рядом с Иволгой. Толпа отнесла бы меня дальше, но Иволга схватила за рукав.

– Эй, Маус! А мы за тобой посылать хотели! Пойдем-ка в штаб, поговорить надо.

Мы выбрались из толпы и свернули за угол. Иволга взглянула на меня.

– Ну как ты вообще живешь?

Мы ведь с ней с того дня ни разу не поговорили лично, да оно и понятно – ей некогда, мне тоже.

– Нормально, – сказала я, – работаю на складе, устроилась.

Про Дану я не стала рассказывать.

– Тебе собрания эти – как? Нравится идея?

– До сих пор, если честно, я не особо понимала, зачем это. Но сегодня... – я умолкла. Иволга кивнула.

– Понятно. Надо нам учиться самим управлять, вот что я думаю. Люди привыкли, что все кто-то придет и сделает... Хозяин, президент, царь, командир. А так не будет. Теперь больше не будет. Как ты считаешь?

– Не знаю, – я вслед за Иволгой зашла за торец здания. Здесь, с торца у нас штаб располагался, с отдельным входом. Здесь Ворон, кстати, жил постоянно. А идея Иволги мне казалась безумной. Как люди сами могут управлять? Чем? Люди – каждый сам за себя, сам по себе. Да и сволочи люди-то, если честно. В большинстве своем – редкие сволочи. Мне всегда казалось, что хорошо бы было, если бы управляли бескорыстные и добрые, вот как Ворон. Пусть их мало. Ну так управителей много-то и не надо. Неясно только, как сделать, чтобы хорошие у власти оказались, а дерьмо всякое – нет. Ведь оно, дерьмо-то, как раз к власти больше всего и лезет.

– По мне хорошо, если ты и Ворон управляете, – сказала я честно, – с вами нормально жить можно.

– Ворон – он хороший. Редкая птица, – согласилась Иволга, – самородок. Ну ладно, потом поговорим еще с тобой. Заходи.

Иволга поставила чай. Не настоящий, конечно, у кого сейчас настоящий есть – травы засушенные из большой коробки. Налила кипятку в три большие кружки. Тут в дверь завалился Ворон.

– Ну Иволга, ты их растормошила... базарят, разойтись не могут! – он глянул на меня, – А Маус уже здесь. Хорошо.

Мы сели за чай, горячий, с лесным приятным ароматом. Еды, конечно, никакой не было к чаю, ну это и понятно.

– Так вот, Маус, – начал Ворон, – на разведку надо сходить. На базу Горбатого. Кое-что там посмотреть надо. Но это добровольно. Ты у нас одна из лучших, да и техникой нужной владеешь. С собой можешь взять одного-двух человек, кого хочешь. Как ты на это смотришь?

А у меня сердце уже в живот закатилось.

– Вы что... уже Горбатого брать собираетесь?

– Дружки нами интересуются, – ответил Ворон, – как мы Хана взяли, так зачастили к нам сюда. Решили, что мы оборзели... Понимаешь, какой муравейник мы разворошили? Если сейчас не идти прямо в атаку, они нас раздавят.

– А с Горбатого лучше сразу начать. Если его разбить – половина дела будет закончена, – добавила Иволга.

– А мы... сможем?

– Ну не дергайся пока, – посоветовал Ворон, – мы сейчас и хотим выяснить – сможем или нет. Зря людей класть не будем, ты меня знаешь. С беспилотников мы сняли уже все, что можно. Но одна штука там есть непонятная, ее глазами надо посмотреть, вблизи. Тебе я доверяю. Как – сходишь?

– Да сходить-то схожу, конечно, – это как будто за меня изнутри кто-то сказал.

– Вот посмотри, что мы уже выяснили, – Иволга протянула планшет.

Я вгляделась в карту. Так-то я, конечно, знаю. Кто же не знает, где Горбатый базируется? От Завода вверх, к востоку там Новоград на отшибе немного, а прямо на севере Дождево. В этой части города еще полно целых домов, там в основном были двух, трехэтажные, и некоторые еще стоят совершенно целые. Одним краем Дождево к Ленинскому району примыкает, а другим – к лесу. На восток от Дождева до Новограда – поля копарей, севернее там поселок у них. Термоядерный заряд у нас с юга зашел, так что север города меньше всего

пострадал, хотя казахи потом артой его долбили и авиацией. И хотя в Дождеве можно было бы неплохо разместиться народу, никто там не живет, потому что Горбатый. Только его дружина, ну правда, у них тоже бабы есть и дети даже. Оттуда они на разборки ходят – остальных дружков нагибают, дань собирают, им как рабочие из окрестных районов дань платят, так и копари из соседних деревень. У них, говорят, даже списки есть, кто на Заводе работает и где живет, так что они ко всем, у кого зарплата хорошая, приходят и свою часть берут. Налог называется. За то, что вроде как от остальных дружков охраняют – хотя, конечно, ничего они не охраняют, толку от них никакого.

А Иволга уже разъясняла задачу.

– Видишь, здесь уже нанесены основные места расположения дружков, вот БМП у них есть одна, четыре гаубицы. То есть с беспилотников мы всю информацию сняли. Но вот чего мы не можем понять, – она ткнула в центр карты, где виднелся ровный черный квадрат, размером как четыре здания примерно, – что вот это такое. Там может быть все, что угодно, а единственная возможность это узнать – сходить и посмотреть глазами.

В самом деле, подумала я, что-то странное. Может, это низкая крыша такая, типа гаража, а под ней, например, убойная техника. То есть лучше бы заранее выяснить, что это такое.

– Заодно проведешь осмотр на местности. На что обращать внимание? Где у них расположены казармы с бойцами, а где – жилые дома, хотя скорее всего, у них разницы нет. Очень важны проходы между домами, где заборы легко проходимые, где нет. Орудия, БМП, укрытия. Думаю, ты понимаешь, что нужно смотреть. И вот что. Пойдете ночью, по нашим данным, охрана у них ночью слабая, они пьяные или спят, так что шансов значительно больше. Все оборудование получите, шлемы с тепловизорами.

Я слушала ее, кивала. С одной стороны, ничего особенного, да и снаряжение нам хорошее дадут, может, даже «Ратники». С другой – внутри у меня сидел какой-то мерзкий гном и вопил изо всех сил «ты что, с ума сошла?!» По правде сказать, на самом деле страшно. Убьют-то ладно, все под богом ходим, но если поймают? Конечно, дружина Горбатого – это не лесники, они заживо жрать или запекать по кусочкам не будут. Но ведь они поймут, что я из ГСО, а если не успею или постремаюсь заранее себя прикончить? В общем, мало хорошего. Не на еду – а так по кусочкам разрежут. Честно говоря, вот прямо совсем никуда идти не хочется. Только жизнь стала налаживаться. Даже надежда какая-то появилась перезимовать с Даной. И что с Даной тогда будет, если меня убьют?

Ничего этого я, конечно, не сказала. Ответила бодро, что мол, есть, этой ночью выходим, и повернулась уже, чтобы идти. Ворон меня окликнул.

– Маус!

Я повернулась. Он на меня смотрел как-то странно. Сердце екнуло – он что, думает, что я уже покойник?

Да нет, не на смерть ведь они меня отправляют, наоборот, надо обязательно выжить, иначе смысла никакого нет в разведке.

– Ты поаккуратнее там, ладно?

– Есть поаккуратнее, товарищ командир.

Дану я пугать не стала. Просто сказала:

– Вот что, давно хочу тебе это... Со мной может всякое случиться. Ну с твоей матерью же случилось.

Глаза Даны расширились, и я пожалела, что так сказала. Ведь это самый большой ее страх до сих пор: каждый раз, когда я ухожу, она боится, что не приду больше. Потому что опыт такой есть. Но что делать? Я и вправду могу не вернуться. Дети, как правило, мрут, если с опекунами такое случилось. Но мрут, потому что не знают, что делать.

– Если я пару дней не вернусь – иди в приют. Знаешь, где Завод? Вот рядом с ним, со стороны проспекта, как подходишь. Там спросишь, тебе скажет кто-нибудь или отведет.

– Я не хочу в приют, – скривилась Дана. Оно и понятно, кто туда хочет? Приют у нас всего года три как существует, организовали его какие-то дамы, которые сами в Новограде живут. Работают две или три воспитки. Порядочки у них, конечно, те еще. И кормят так, на грани выживания, там тоже много детей умирает. Но в одиночку ребенок вообще гарантированно сдохнет.

– Там хоть кормят, – сказала я строго, – обещай, что пойдешь, если я не вернусь!

Дана угрюмо смотрела в пол. Блин, как же ей вдолбить, что это необходимо?

– Вот что, – сказала я, – давай так. Если я через три дня не вернусь – ты идешь в приют. Ты мне это обещаешь. А я обещаю тебе вот что: если я все-таки жива и просто где-то задержалась – я тебя из приюта обязательно потом заберу. Договорились?

И Дана наконец согласилась.

Можно было взять кого-то из опытных, например, Пулю или того же Чингиза. Но у меня даже сомнений не было, я взяла Чуму. Как-то мы хорошо друг с другом себя чувствовали. Да и работала она прекрасно, прирожденный боец просто. Я первый год, помнится, так мучилась и такие глупости делала! Но правда, мне и было всего тринадцать лет, а Чума уже взрослая.

Вышли мы не поздно, но уже в темноте. В половине десятого двинулись. Ворон довез нас на машине до Завода, а оттуда пешком. Он обещал ждать в укрытии и подобрать нас потом на проспекте Ленина. Район еще жил активной вечерней жизнью, хотя на улицах ожидаемо царило запустение. Никто не рискнет идти в Дождево шататься по улицам, и сами дружки опасаются выходить за пределы своих укрепленных жилищ.

План района я хорошо представляла в голове, несколько часов над картой просидела. Мы начали с юго-восточного края, здесь стояли несколько «казарм» – не настоящих, конечно, а просто домов, где скопом жили «шестерки». Идти было легко, закрепленная на экзоскелете броня практически ничего не весила. Даже автомат плечи не тянул. Шел мелкий, противный дождь, временами переходящий в снег, под ногами – мерзотная слякоть, небо затянуто тучами, и это все тоже хорошо, потому что у дружков меньше поводов на улицу высунуться. А нам в экзоскелетах и с хорошими приборами – без разницы.

– Здесь раньше детская больница была, – вдруг сказала Чума, – я когда маленькая была, в ней лежала.

– Тихо! – я зыркнула на нее, не знаю уж, увидела ли она это, – не болтать! Охраняй!

В два прыжка я очутилась на заборе. Забор здесь решетчатый, и так все видно – но с высоты смотреть лучше. В некоторых окнах длинного двухэтажного здания – почти целого – горел явно электрический свет. Динамка, значит, у них тоже есть. Весь двор лежал передо мной, как на ладони. Еще бы за домом посмотреть... но не хватит времени подробно обыскивать каждый двор. Возле дома в жидких кустарниках виднелись два зачехленных миномета, кажется, «Ноны», но не поймешь, какие. Еще маленький домик у забора – там укрываться хорошо. Четыре автомашины, похоже, на ходу – но обычные, без брони, вроде бы, два «Фольксвагена», один какой-то внедорожник, одна китайская легковушка. Я внимательно рассмотрела двор – проходы, кусты, укрытия. Ничего похожего на мины или растяжки не заметила, да и вряд ли бандюки будут рисковать пьяными на растяжку напороться, им ведь в городе бояться некого. Пока некого. Я спрыгнула с забора. Чума водила стволом, поворачиваясь на 270 градусов, спиной к забору. Но на улице было тихо. Я выхватила планшет и быстро нанесла обозначения на фотографии двора. Тут же отправила сообщение с картой в штаб – даже если нас убьют, хотя бы часть работы будет выполнена.

Связь Ворон организовал временную, сетку с помощью беспилотника, мы всегда так делали в случае надобности. Полноценная мобильная связь есть только на Заводе, и нас, понятно, в ту сеть не пустят.

Махнув Чуме рукой, я двинулась к следующему зданию.

Мы осмотрели еще три «казармы» поменьше. Дальше работа пошла быстрее. Там стояли руины, где не жил никто – видно, сюда снаряды долетали, ну а селиться в руинах возле дружины нормальные люди не будут. Разрушенные места мы осмотрели поверхностно. Миновали улицу, повернули на следующую. Теперь мы находились уже в сердце расположения Горбатого, это куда опаснее. И даже экзоскелеты не спасут, если что – у них и мотоциклы есть, и авто.

Раньше Дождёво было районом элитных коттеджей. Эти особняки сохранились – двух-трехэтажные кирпичные здания, когда-то кокетливо разукрашенные, теперь старые, с отбитыми финтифлюшками, но относительно целые. Вокруг коттеджей были посажены огородики – жены, видно, стараются, да и рабы у них есть. Заборы все глухие, попадались и кирпичные стены – пробить нельзя, но взобраться, да еще в экзике, довольно легко. Были железные заборы. И у всех – по два ряда колючки наверху. Я предусмотрительно надела изоперчатки, и правильно – кое-где по колючке был пропущен ток.

Мы работали молча. Каждый двор, конечно, не осмотришь, но у самых крупных выборочно я карабкалась на забор, быстро осматривала дворы, фоткала. Пару раз во дворе мелькали чьи-то фигуры. Один раз нас облаяла крупная собака. Везде в коттеджах светилося тусклое электричество, жили бандюки неплохо. Я спрыгивала с забора, наносила сведения на планшет, отправляла сообщение. Чума охраняла меня снизу, с автоматом наперевес.

Далее снова пошли «казармы», но поменьше – там дружки рангом пониже жили как в общежитии. Заборы исчезли, можно даже подкрадываться к окнам и заглядывать. В несколько домов я заглянула. Электричества не было, но и тепловизор был не нужен – в комнатах топили печки, горели свечи. Я вытягивала гибкий визор и подносила к окну. Зрелище чужой жизни завораживало бы, если бы не было так страшно. Дружки ели что-то, пили самогон из разнокалиберных бутылей, сидели в обнимку с женщинами. Женщины все были зашуганные в той или иной степени, даже те, что пьяные сидели и веселились с бандюками. Кое-где народ спал, где-то резались в карты, в шахматы или даже игры на планшетах. В одной из комнат мне попалась разборка – двое стояли друг против друга с ножами, остальные подначивали их. Оружейные мне не встретились, но в комнатах оружие было свалено или спрятано беспорядочно. Обычное в общем, как у нас, то АК, то «22-е», были и ручные пулеметы, конечно, и РПГ, и всякое другое. Пару раз – прикрепленные к стене «Ратники» с экзиками. Это была невероятно увлекательная работа, вот только острый интерес к происходящему то и дело сменялся острейшим же нечеловеческим ужасом – стоило Чуме издать звук или мне казалось, что в комнате кто-то заметил меня. Сразу холодный пот бежал по спине, и сердце колотилось. Я спрыгивала с окна, приходила в себя – и наносила очередные сведения на планшет.

Однажды все же случилось – Чума негромко произнесла «бойся!», я прыгнула на землю, и увидела двоих дружков. Пьяные, они едва держались на ногах. Вышли, похоже, до ветру.

– О... это че... — начал один из них, выпалив глаза в нашу сторону.

– Берем! – произнесла я негромко, и мы с Чумой, выхватывая ножи, одновременно скакнули вперед. Один прыжок – два метра, второй, и вот мой усиленный железом кулак уже обрушился на голову противника. Правой рукой я одновременно всадила нож между ребер падающего пьянчужки, без всякого труда, экзик все сделал за меня. Чума тем временем прикончила второго. Я взглянула на ее лицо, белое в темноте, и меня передернуло – лицо было забрызгано кровью, кровь на губах, и при этом Чума как-то судорожно, с наслаждением улыбалась.

Я махнула рукой – «дальше». Все было хорошо, почти никакого шума. Но теперь надо поторапливаться, уходить с этой улицы как можно скорее. Вскоре пьяных могут найти. Еще один дом... и следующий... Я подтянула к окну высокий камень, вскочила на него, вытянула

визор... О боже! Там целая толпа насильовала какую-то девчонку, та на полу почти не трепыхалась уже, виделось голое тело и кровь, а бандюки сменяли друг друга с довольным гоготом. Я убрала визор и спрыгнула с камня. Чуме не стала ничего говорить. Да, гранату туда метнуть, конечно, хочется... Вот только не затем мы здесь.

Мы добрались до конца улицы, повернули на следующую. Уже больше половины района осмотрели, время близилось к часу ночи.

И наконец-то мы подошли к загадочному черному квадрату.

Я ожидала увидеть низкое здание. А оказалось что-то несуразное – гигантский квадрат растянулся прямо на земле, будто на почву бросили кусок блестящей черной ткани.

Вокруг никого не было, и вообще метров на двадцать от каждой стороны квадрата царила полная пустота. Черная ткань лежала на обширной пустой площади. Раньше этого пустыря в Дождёво не было, кстати. И как всегда, когда сталкиваешься с чем-то непонятным – ненормальным, нечеловеческим – стал пробирать ужас. Одно дело – нож или пуля, здесь все ясно. И совсем другое – все вот это. Последствия войны. Непонятно что. Вроде водяных мут, отчего я к реке или озеру даже близко не подхожу.

Здесь живых существ не наблюдалось, но такая непонятная жуть исходила от этого квадрата, что я остановилась.

Отсюда уже видно было, что это не ткань. Квадратной была выемка в асфальте – и там, в ней жидко блестела черная слизь. Не вода, нет – скорее уж на нефть похоже, но более вязкая.

Может, это и есть нефть? Я ее не видала ни разу, но наверное, она должна примерно так выглядеть.

– Пошли, – шепотом предложила Чума. Она была права. Надо подойти ближе. Но не случайно же здесь все пусто вокруг. Похоже, дружки даже не подходят к этой слизи. Иначе все равно что-то лежало бы – мусор какой-нибудь, следы пребывания человека. А тут – ничего. Огромная площадь пустого асфальта, и в центре – этот квадрат со слизью.

– погоди.

Я осмотрелась, подобрала камешек. Так я, может, и не добросила бы, но экзик усилил руку – камень описал пологую дугу и упал в слизь, на самый краешек.

Дальше произошло невозможное. Там, где упал камень, из черного вещества вдруг поднялось что-то вроде щупальца. Длинный толстый тяж вырос, взметнулся вверх метра на три и упал на асфальт – в нашу сторону. Конечно, он был слишком короткий и стал потихоньку вползать обратно в озеро.

– Мать-перемать, – буркнула Чума потрясенно. Я вообще как язык проглотила. По-хорошему надо разворачиваться и уходить немедленно. Но что мы доложим? Увидели черное озеро, наделали в штаны и убежали? Надо взять пробу, Иволга же биолог, она даже в лабе работает на Заводе, посмотрит, что это такое.

Во что вот только ее взять? Я сняла фляжку, вылила из нее воду. Показала Чуме. Та молча кивнула.

Надо приблизиться к озеру.

– Я пойду, – сказала Чума, забирая у меня фляжку, – прикрой.

В принципе, команду я, но раз уж она проявила инициативу... честно говоря, мне было так страшно, что спорить я не стала. Чума сделала несколько шагов вперед. Я контролировала пространство вокруг нее, поводя стволом. Никого здесь не было, в этом проклятом месте, видно, дружки сюда сами не очень-то стремятся. Что уже о многом говорит: если бы эта слизь годилась на что-то или хоть была безопасной, не возникла бы вокруг пустота.

Внезапно раздалась очередь, Чума моментально упала на землю. Источник я не видела – стреляли откуда-то справа. Дать ответку? Только патроны тратить и себя выдать. Я же не вижу,

куда стрелять, а «умные» пули – они только теоретически такие умные. Чума поползла. Конечно, ее не задело – в «Ратнике» не так-то легко задеть человека.

Больше по ней не стреляли. Даже странно – раз уж нас обнаружили, могли бы и взять. Страшное предчувствие легло на сердце. Чума быстро преодолела оставшиеся метры и протянула вперед фляжку...

Дальше случилось жуткое. Фляжка коснулась поверхности слизи, и снова из квадратного пруда выросли мигом две длинных «руки», и руки эти хлестнули по Чуме сверху, секунда – и вот уже черное гигантское щупальце накрыло ее с головой и потянуло в озеро.

Я в несколько прыжков оказалась рядом с ней. Теперь уже все пофиг. Снова затрещали очереди справа. Чума отчаянно сопротивлялась, я схватила ее за ноги и тянула к себе. Нечеловеческая жуть. От озера пахло не то свежим мясом, не то гнилью, и теперь было понятно, что озеро – живое, ни разу не нефть, что там – живая материя. Лента слизи прочно охватила экзоскелет и тянула Чуму с силой, которой даже я ничего не могла противопоставить. Меня тоже начало затягивать к озеру – так болотная топь неумолимо всасывает в себя.

– Снимай! – крикнула я, – снимай экс!

Чума сообразила и забарахталась. Я уперлась ногами в асфальт и держала Чуму за ботинки, но черное вещество тянуло сильнее, чем я. Может, пальнуть по нему? Но если я на миг выпущу Чуму, ее затянет сразу. Все это время меня терзал безумный страх, мне хотелось кричать – но было не до того. Кошмарный сон.

Чума вывернулась из экзоскелета и откатилась в сторону. Черная слизь с чмоканьем втянула в себя остов брони и выровняла поверхность – как ни в чем не бывало. Чума лежала на асфальте неподвижно. Я опустила на колено – в эксе это не так просто. Наклонилась к ней.

В это время дружки снова начали пальбу. Я рванула Чуму за плечо. Она перекатилась. Вскочила на ноги.

– Беги! Я прикрою! – велела я, и она побежала – уже без экса, но все-таки в доспехах, а я развернулась и стреляла, прикрывая ее. Бухнуло – граната взрыла асфальт... еще одна.

Я повернулась к озеру и дала очередь по черной слизи.

То, что произошло дальше – я в жизни не забуду! Слизь буквально полезла из берегов. Щупальце было гигантским. Я понеслась скачками, и когда обернулась – уже у самых домов – слизь поднялась к небу, покачиваясь из стороны в сторону. Чума громко материлась рядом со мной. И тут все случилось.

Снова грохот – спереди, мощный удар в грудь и голову,, я взлетела куда-то – и наступила тьма.

Первое, что увидела, придя в себя – перемазанное лицо Чумы.

– Слышь, Маус! Давай, давай!

– Где... они? – спросила я.

– Нету их. Пошли. Держись за меня.

Постепенно я осознавала происшедшее. Болела башка, просто нестерпимо. Дико болела левая скула, и левым глазом я не видела ничего, такое ощущение, что в глазу разлилось целое болото вонючей жижи. Пахло кровью. Болело пузо, но меньше, как-то глухо. Мне казалось, что встать я не смогу. Но не подыхать же теперь. Чума сдирала с меня осколки экзика. Все-таки граната – это граната. Если бы не «Ратник», рвануло бы на куски.

– «Колю» своего держи, – пробурчала Чума. Закинула мою руку себе на плечо. Потщила вперед. Пожалуй, так получится – башка и живот, да все тело при каждом шаге отдавались дикой болью, но идти все-таки можно. Стонать вот нельзя, к сожалению.

– Что... озеро?

– Ничего. Слизнуло пару дружков и уползло. По нам с дома стреляли.

– Ты их... перебила всех, что ли?

– Да. Их было пять человек. И потом еще несколько выскочили. Я тебя за будку затащила, ну и... не повезло им.

Мне тоже не повезло. Мысли перекатывались в голове как дробь, с каждым движением вонзаясь в горящую плоть. Осколок – в лицо. Ну и экзик разбило. Очень мешал автомат, но бросать нельзя. В какой-то момент я все же застонала и стала сползать. Чума поддержала меня, поставила на ноги.

– Пошли, Маус! Пошли! Я связалась с нашими. Только до Ленина дойти, они заберут. Пошли!

До Проспекта – всего полкилометра. Эту местность мы уже знаем, здесь ничего нет больше. Сюрпризов быть не должно. Хорошо, что на пальбу никто больше не вышел – для дружков, как видно, разборки дело привычное. А сейчас глубокая ночь. Жаль, что не прошли Дождево до конца. Блин, а как я послезавтра на работу-то пойду? Эта мысль до того перепугала меня, что даже боль уменьшилась.

Через еще одну вечность мы дошли до Ленина. Конечно, и этот проспект, как и другие, был полностью завален, но несколько дорог в городе расчистили, когда восстановили Завод. Здесь могла пройти машина. Я уже почти ничего не соображала, все мысли вытесняла пульсирующая острая боль, как будто в голове взорвался атомный фугас, и даже было все равно – что у меня с глазом, и даже уже почти все равно, что же теперь будет с работой. Я вцепилась в Чуму и практически висела на ней. Но висела цепко, как обезьяненок за мамку держится – я по телевизору видала до войны. Потом я услышала шум мотора, лязг открываемой дверцы, и правым здоровым глазом – лицо Ворона. Стало легче – меня перехватили с другой стороны.

– Давай, давай, Маус. Держись!

Меня запихали на заднее сиденье. Ворон достал шприц-тюбик, воткнул мне в бедро.

– Сразу надо было, – услышала я. И невнятный ответ Чумы, мол, времени не было. Потом машина тронулась. Меня качнуло, я громко застонала, но затем боль стала помаленьку стихать. Я погрузилась в забытие.

5

Пробуждение наступило очередной раз, правым глазом я увидела свет. Левый был плотно закрыт неприятно давящей повязкой. Боль оставалась, но вполне терпимая, несильная. Я слегка повернула голову (в ней что-то болезненно колыхнулось): ну конечно же, это наш госпиталь. По крайней мере, мы так называли эту подвальную комнатку – с окном, самую светлую в подвале. В руку мне была вставлена канюля, сверху по трубке что-то капало. Рядом со мной вдруг оказался Зильбер. Это не позывной, а фамилия у него такая. Давно уже старый военный хирург сотрудничал с нашим ГСО. Ну просто на самом деле приходил, когда нужно было, а нужно было часто.

– Евгений Михалыч, – прошептала я. Зильбер скривил лицо.

– Лежи спокойно. Болит? Еще лекарства добавить?

– Да не, не сильно болит. Евгений Михалыч, что у меня с глазом?

Доброе лицо Зильбера, прорезанное морщинами, помрачнело.

– Глаз все, Маша. Глаза нет. Но жить будешь. Могло быть хуже.

Некоторое время я переваривала эту информацию. Вот, значит, как. Мне восемнадцать лет. Одного глаза уже нет, и это – навсегда. Но я вижу свет вторым глазом. Я жива. Могла вчера остаться там. Если бы не Чума – осталась бы точно... где она, кстати? Блин, надо ее поблагодарить – да даже и не знаю, не благодарят за такое. Только понятно, что теперь я Чуме обязана по гроб жизни.

– Евгений Михалыч, мне на работу завтра... сегодня ведь девятое?

– Да, сегодня девятое. С ума сошла – на какую работу? Мозг у тебя не задет, просто чудом, но повреждены кости черепа. Осколок из глазной впадины я вынул, но... считай, в рубашке родилась. Нет, завтра ты еще не встанешь, лежи и радуйся, что жива.

У меня на этот счет было свое мнение, но я промолчала. Пока, конечно, можно радоваться, что жива. Вот только если я и эту работу потеряю, все равно ведь зимой сдохну. И еще сдохнет Дана заодно. А ходить я могу – вчера с поддержкой и без обезболивающих вон сколько проперла.

– А с животом что у меня?

– Все остальное в норме, – он повесил мне к капельнице еще какой-то флакон, – гематом много. Попадания в броню. Ушибы ребер, но кости целы, внутренние органы тоже.

Ну да. Лицо, несмотря на щиток – все равно уязвимое место. А граната есть граната, ничего не поделаешь.

Зильбер покормил меня супом. Для госпиталя у нас всегда откладывали продукты, чтобы раненых кормить. Я немного подремала. Потом явилась Чума с плохо отмытым лицом. Лицо будто осунулось, и в глазах что-то новое появилось. Настороженность как будто.

Чума села рядом со мной.

– Ну как ты?

– Нормально, – буркнула я, – че там говорят-то? Про разведку?

– Ниче. Ворон с Иволгой нас здорово похвалили, сказали, что наградят и вообще. Скоро, наверное, будем Горбатого брать.

И опять эта мысль – а меня-то хоть возьмут? Я-то смогу? Ясно, что тянуть с атакой они не будут, но смогу ли я встать и с ними пойти? Да ладно, что загадывать – разберемся.

– Слышь, – сказала я, – спасибо тебе. Если бы не ты, я бы сдохла.

Чума пожала плечами.

– Ну а что мне делать было? Какие еще варианты? Хорошо, что нас Ворон подобрал, а то бы сил не хватило, наверное. И потом, ты же меня тоже из болота этого вытащила.

– Да, что еще делать-то.

Мы замолчали, и это было хорошо. В первый раз я поняла, что у меня есть человек, с которым можно просто молчать, сидя рядом, и все понятно, и хорошо, и больше объясняться не нужно.

Не успела уйти Чума, как явилось все остальное отделение. Настюха смотрела на меня испуганно и с восторгом. Мерлин притащил банку засоленных гусениц, мол, белок нужен для восстановления. Леди – большой кусок сахара и полезную вещь, аккуратненькую черную повязку на один глаз. Сама сшила из рабочих обрезков. Пока правда мне все равно надо будет ходить в бинтах.

Потом еще пришли Гермiona, Чингиз, Пуля и еще несколько человек, точнее, целая толпа, уже и не помню, кто. Все говорили мне разные хорошие слова, и после их посещения под койкой скопилось целое богатство – четыре банки белкового засола – насекомых разных, мешочек сухарей, две банки морской капусты и даже два поздних яблока. Одно яблоко я тут же употребила. И наконец ближе к вечеру явились на пару Иволга и Ворон. Сели по обе стороны койки. Иволга нашла мою руку и крепко сжала.

– Маус, ты молодец. И подруга твоя тоже. Скоро можно будет начинать.

– Слизь эта... мы ведь ее принесли? Что это такое?

– А-а, это штука интересная, – кивнула Иволга, – что-то вроде организма... вот представь раковую опухоль, но живет она отдельно от тела. Я посмотрела уже под микроскопом.

– Что за дьявол, как это получилось-то?

– Ну... в общем, просто примитивный многоклеточный организм. Любопытно, конечно. Как это получилось – надо будет выяснять. Потом, конечно, сейчас не до того.

– Мы еще северную часть не прошли, – заметила я. Ворон мотнул головой.

– Сама знаешь, там уже ошметки. Ничего важного нет. Главные дружки и отборные боевики живут ближе к городу. Теперь мы хорошо представляем, где у них семьи расположены, где казармы, где начальство. Так что... можно брать.

– Маус, – вступила Иволга, – мы тут решили учредить наградные знаки. Ну не ордена, конечно, а так – знаки. Вы с Чумой получите их первыми.

– Да ладно, – хмыкнула я. Хорошо, конечно, с каким-нибудь значком на груди походить, но целого глаза оно не стоит.

– Вообще, – продолжила Иволга, – если тебе что-нибудь нужно... проблемы какие-то есть. Ты говори, не молчи. Мы наверняка сможем помочь.

– Нужно! – вырвалось у меня, – может, кто-нибудь сходит... У меня ребенок дома один.

– Ребенок? – я увидела, как брови Ворона ползут вверх, – ты что...

– Да не мой же ребенок. Девочка соседская. Она без матери осталась. Ну в общем, мы теперь с ней вместе живем. Ей восемь лет. Я ей велела, если не вернусь – пусть в приют попробует устроиться... но там же знаете как? Пусть кто-нибудь сходит, скажет, что я жива и вернусь завтра.

– Да конечно, Маус, не вопрос! – воскликнула Иволга, – сейчас же пошлем кого-нибудь. Почему же ты молчала? Надо было перед выходом предупредить.

Хороший вопрос. В самом деле – почему я молчала? А если бы я в самом деле кирдыкнулась?

Да не привыкла я потому что свои проблемы на других перекладывать. И никто у нас не привык. Вопрос выживания у каждого остро стоит. Заботятся только о членах своей семьи, а остальные... ну уж кто как сможет. И ожидать от других, что они будут решать твои проблемы – по меньшей мере глупость.

– И это... если кто пойдет туда, то пусть продукты, ну тут, под койкой, тоже ребенку отнесут.

– Да конечно, – Ворон сжал мое плечо, – сейчас пошлю, тебе же все равно надо дорогу объяснить. И продукты захватят. Ты лежи, Маус, поправляйся.

И от того, как он на меня смотрел своими серыми глазами, у меня внутри что-то сжалось. И я вспомнила, что всего три года назад была, как дура, в него влюблена. Вот просто каждый раз, когда он мимо проходил, у меня внутри все пело. А если касался случайно, я это место потом ощущала целых два дня.

Но теперь, конечно, я в него не влюблена. Хотя все равно приятно вот, что он рядом.

Просыпаться по внутреннему будильнику я умею давно. Стояла еще полная темень, и на настенных часах – ничего не разобрать. Но у Зильбера прибор такой на столе стоит, там электроника время показывает. Я села на койке, переждала головокружение. Башка, конечно, болела, но что сделаешь. Потом осторожно сдвинулась к концу кровати и стала вглядываться. Красные цифры на часах показывали 5.45.

Рановато на работу еще, конечно. Но Зильбер в соседней комнатке спит, да и на территории кто-то всегда есть. Проснутся – не выпустят.

Я встала и пошатнулась. Блин, как же я до работы-то доберусь? И работать как буду? Нет, об этом лучше не думать. Как-нибудь. Только восемь часов выдержать-то надо, а потом весь день можно лежать, и завтра тоже.

Одежду мою никуда не дели – она тут же в углу валялась. Я быстро натянула на себя камуфлю. Футболка на мне так и оставалась. Грязная, конечно, но я же не могла стирать. Пистолет мой лежал там же. Я аккуратно, пошатываясь, выбралась из госпиталя.

Морозный воздух ударил в лицо. За ночь выпал снежок. Останутся следы. Ну да с другой стороны плевать, они же поймут, куда я ушла. По холоду стало даже как-то легче. Как будто большую башку охладил. Ужасно болел глаз – не ощущалось, что его нет, а наоборот – будто он распух и лезет из глазницы. Я аккуратно, по стеночке дошла до угла. Пересекла двор. В караульной будке горел тусклый огонек, но никого почему-то не было. Разгильдяйство, конечно. Но мне сейчас на руку. Я вознамерилась было шмыгнуть в ворота, но тут дверь будки распахнулась.

На пороге стоял парень из новичков, азиат, я его имя забыла. Куртка у него была не застегнута, и накинута прямо на голое тело. Зато «Колую» в руке он держал крепко.

– Стой, кто идет, – он это пробормотал так, как будто не знал точно – вроде и надо задерживать, но вроде он тут и ни при чем, да и попасть может. Из-за плеча парня вдруг выглянула Пуля. На ней сверху тоже было что-то накинута, а ноги – голые. Красивые светлые кудряшки Пули разметались по плечам.

– Блин, Маус, ты, что ли?

– Так, народ, – быстро сориентировалась я, – вы меня сейчас выпускаете. А я никому не говорю, чем вы заняты на посту.

– А ты куда? – спросила Пуля. Парень – он явно и был часовым – исчез в будке. Одевался, наверное. Пуле же все было пофигу. Она стояла в одной футболке, такая длинноногая, симпатичная, и разговаривала со мной, как ни в чем не бывало.

– На работу мне надо. Выгонят ведь.

– Так ты ведь больная еще. Зильбер поди не разрешил.

– Пуля, – сказала я проникновенно, – ты меня знаешь. Тебе, что ли, разрешили тут сейчас находиться? Отработаю – вернусь обратно.

– Ладно, договорились, – решила Пуля, – только вернись потом. Лечиться же надо.

– Приятно вам время провести, – хмыкнула я и шмыгнула в проход. Часовые тоже мне. Охраннички.

Как я дошла до Завода – сама не знаю. Останавливалась, присаживалась на камни – передохнуть. Невыносимая боль ломила глаз. И на всю голову распространялась волнами. Еще и мороз разошелся – ноги и руки вскоре задубели, чувствовать их я перестала. Если бы меня кто-нибудь на машине отвез или мотоцикле! Но они не повезут, нет, скажут – не валяй дурака, лечись. Ага, лечись... А жрать я что буду всю зиму? Работу терять ну никак нельзя. Лучше бы меня пристрелили сразу. Это я на полном серьезе. Все так бояться смерти, но на самом деле есть много вещей куда похуже. Заболеть, например, раком, это же часто бывает. Или просто потерять работу. Тоже смерть – но отсроченная и мучительная.

Так что на Завод я могу не пойти только в одном случае – если сдохну или упаду в обморок. А пока сознание есть – надо идти.

До моей работы оставался еще час, но утренняя смена как раз заходила, так что все в порядке – пластиковая карточка пропуска у меня есть, а разбираться, в какое мне там время нужно, никто не будет.

Я заранее все продумала. Склад, ясное дело, еще закрыт, и ключи у Яры. После проходной я направилась к складам готовой продукции, потому что там размещались, в числе прочего, нужники. Их посещали обычно только в перерыв, но перерывы бывают в разное время. Мужики вообще редко беспокоились о том, чтобы дойти до нужника, обильно поливали желтым снег за цехами. Мне повезло – туалеты были открыты. Ясное дело, они не отапливались, но в помещении по-любому теплее и ветра нет. Туалет был привычно грязен, с рядом кафельных дырок в полу, даже не отгороженных друг от друга фанерками. Я присела возле последней в ряду дырки, нахохлилась и настроилась переждать час. К запаху мой нос вскоре привык.

Яра окинула меня долгим взглядом – голова и глаз забинтованы, и ничего не сказала.

– Вчера консервы привезли, иди разгружай.

Я пошла разгружать ящики. Работать было тяжело, конечно, но что делать? Сцепишь зубы и вперед. Боль в голове пульсирует и кувалдой бьет в глаз. В конце концов, утешала я себя, это только восемь часов. И сегодня получка, кстати. Я пообещала себе, что возьму сухарей и сразу сожру два. Нет, три. Так светлая мысль об окончании рабочего дня и получке вела меня вперед.

Я разгрузила ящики с консервами, занесла их все в базу данных. Вымыла полы. Расчистила снег позади склада, куда подвозят продукты. Вернулась к Яре – та сидела за компом и гоняла по экрану нарисованные лодочки, с которых рыбаки удили рыбу. Возмущение шевельнулось во мне сильнее обычного. Вот что за сволочь? Она всегда так – но ведь сейчас-то видит, что я ранена, догадывается, наверное, что мне больно и плохо, но нет, давай, Маша, паши как мул, а я тут пока в лодочки поиграю.

Она начальство, ей можно.

– Что еще сделать? – буркнула я. Яра повернулась ко мне, поставив игру на паузу.

– Сядь пока. Где это тебя угораздило?

– Птичка клюнула, – буркнула я.

– Что с глазом?

– Нет глаза больше, – я подумала и добавила, – но работать я смогу, вы не волнуйтесь.

Яра вздохнула.

– Чаю хочешь?

Ну и вопрос! Это у нее редко бывало. Сочувствие все же проснулось? Яра налила мне в жестяную кружку горячего кипятку, подкрашенного неизвестно чем. И вдруг расщедрилась – протянула сухарь. Я, конечно, со скоростью барракуды вцепилась в него зубами. Бабушка, помню, учила сухари в чае размачивать...

– Современные возможности, – сказала Яра, – позволяют восстановить глаза. Кажется, делают протез, но в него встраивают механизм, позволяющий видеть. Связанный со зрительным нервом. Нейропротезы конечностей делают сейчас неотличимые от живых.

Я покосилась на ее собственную ногу на простой деревяшке. Ну точнее, на пластике или из чего там ее палка сделана.

– Да, – Яра поймала мой взгляд, – я надеюсь, что мне когда-то заменят ногу. Шансы есть.

Она с расстановкой откусила от бутерброда. Живут же люди. И бутерброд не с червями, а с ветчиной из банки. Я отвела взгляд. Не хватало еще пялиться ей в рот.

– Многие не знают, – продолжала Яра, – что война не только разрушила планету. Она еще и дала толчок новому всплеску технологий. Буквально во всем. Не только в военной области, хотя и здесь многое было изобретено в последние годы. Изобретено или доведено до ума. Производство дешевой аэропоники – пищевые фабрики, гибридные реакторы для электростанций, генно-инженерные достижения, микроботы для медицины и промышленности, вот нейропротезирование... Это может дать нам шанс на выживание.

– Нам – это кому? – чай был очень горячим, я пила его маленькими глоточками. Горьковатая вода, как лекарство.

Яра усмехнулась.

– Человечеству, Маша. Жителям Кузина это вряд ли светит. Скорее всего, все вы умрете. Включая уже рожденных детей. Кажется, что самый мрак позади, а это не так – маховик голода, эпидемий только раскручивается. Но, – она подняла палец, – элита человечества выживет. С помощью новых технологий. Так что шансы у нас, как разумного вида, еще есть.

Я хотела спросить – почему умрете «вы», себя она не причисляет к жителям Кузина, что ли? Вообще она права, и где-то в глубине души каждый это понимает. Люди мрут ведь не меньше, чем в послевоенный Холод. Наоборот, холод отступает, так приходит холера, грипп и еще что-то непонятное. Рак часто бывает, лейкемия. Да, сдохнем все. Но пока не сдохли, жить как-то надо, верно? А пока живешь – на что-то надеешься. Когда эту неизбежность – сдохнем все – кто-то озвучивает, все равно мороз по коже.

– А вы откуда, Яра? Вы ведь не местная.

– До войны я жила в Москве, – ответила она.

– А что там сейчас, в Москве?

– Там... на поверхности никто уже не живет, – Яра проглотила последний кусок бутерброда, – на поверхности там, как у нас в лесу – мутированные животные и растения, заросли. Радиация очень сильная. У нас здесь одну Бомбу взорвали, и то не в самом городе. И бомба чистая была. А Москву буквально уничтожили. Но население там есть. Все ушли жить в подземку. Там метро было очень большое, не знаю, в курсе ли ты.

– Метро – это подземные поезда.

– Точно. Там множество станций, на каждой теперь отдельный поселок, ходят друг к другу по туннелям. На поверхность почти никто не поднимается. В туннелях тоже, конечно, муты и чертовщина разная.

Она помолчала.

– Рассказывали, что в Москве на поверхности даже чуть ли не новая разумная раса завелась. Мутированные приматы, а может, и люди так изменились. Но разведчики, которые из метро поднялись, это дело увидели, и шарахнули по этой новой расе еще одной ракетой. Но скорее всего, это выдумки. Про мутнов много фантазий бывает. На самом деле большинство мутантов нежизнеспособны, а те, что выживают – обычно просто уроды, не так уж сильно они от нас отличаются.

Я вспомнила, что Иволга тоже как-то про мутации рассказывала. Что это такое и почему. Я не все поняла. Но по-моему, Яра неправа – на самом деле муты очень жуткие бывают. Не только по слухам, но я и сама видела. Даже из растений – та же загребуха! Это вообще

уму непостижимо. Или железный чертополох. Или крапивные деревья – впрочем, о крапиве вообще разговор отдельный. А животные? Сама я, правда, видела только гигантских крыс, про остальное мне рассказывали. Животных теперь мало, как и птиц.

– Ладно, вали работать, – Яра забрала у меня кружку, – надо еще полки на складе очистить, сегодня новая поставка у нас будет.

Я уже почти соскучилась по дому. Кара вышла мне навстречу, понюхала и завиляла хвостом. Я погладила собаку по большой лохматой башке. Вошла на первый этаж, и тут меня остановил истошный крик.

Вопила женщина, и похоже, опять Лизка из угловой. Я нашарила «Удав» на поясе. Стукнула в дверь ногой. Дверь у них хлипкая, деревянная. Лизка завопила еще громче, крик сгустился до хрипа, а потом оборвался. Елы, да что же там происходит? Я примерилась и ударила ногой в место, где стоял хлипкий засов. Дверь отлетела.

Лизка лежала на полу, под головой расплывалась лужа крови. Ее сожитель Вова – здоровенный мужик, раньше на Заводе работал, но вроде как уже несколько месяцев работу потерял, где-то доставал самогон и пил по-черному – стоял, пошатываясь, обеими руками сжимая рукоятку топора. Внутри у меня похолодело.

– Ты че, сука! – завопил пьяный, неуверенно поднимая оружие в мою сторону. Я выхватила «Удав».

– В сторону, гад!

– Да ты че тут делаешь! – Вова еще не осознал ситуацию. Какая-то баба пришла тут мешать ему жить! Я выстрелила в пол. Жаль патрона, но что делать? Звук выстрела отрезвил лизкиного сожителя. Он пробормотал что-то и пошатываясь, побрел в соседнее помещение. Здесь он всю нехитрую мебелишку – собранный им же из досок стол, старый комод – раскрошил топором. По всей комнате валялись обломки мебели. Я подошла к Лизке и сразу поняла, что все кончено. Попал-таки топором в затылок. Лизкино тело было основательно избито, одежда порвана.

Надо убрать труп, пока я еще здесь. Не факт, что пьяный вообще до этого додумается. А когда труп долго лежит в помещении, он начинает вонять на весь дом, потом крысы собираются, а крысы у нас такие, что даже Кару могут загрызть. Я подхватила мертвую Лизку под плечи и потащила. И так устала как собака, и башка болит, а еще вот этим надо заниматься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.